Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета КПСС

Газета основана 5 мая 1912 года В.И.ЛЕНИНЫМ

№ 276 (26359) • Среда, 3 октября 1990 года • Цена 4 коп.

ВРЕМЯ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Встреча М. С. ГОРБАЧЕВА с деятелями советской культуры

Как уже сообщалось, 29 сентября в Кремле состоялась встреча Президента СССР М. С. Горбачева с деятелями советской культуры.

У вас, обратился Президент к присутствующим, видимо, накопилось что сказать. Появились обращения и письма. Министр культуры накануне сессии Верховного Совета СССР выступил с меморандумом. Это—сигнал Верховному Совету, руководству: есть проблемы, которые требуют держать совет. Как бы ни было трудно в стране, что бы с нами ни происходило, культура — это тот стержень, вокруг которого всегда объединялись нация, народ, тем более народы.

Это было ясно с начала перестройки. Когда мы взялись за то, чтобы улучшить жизнь людей и «очеловечить» общество, то понимали, что эту задачу не решить без нашей интеллигенции, ее поддержки. Если говорить откровенно, ничего вообще не получилось бы, если бы не позиция интеллигенции, мне уже приходилось об этом говорить.

Но вот идут тревожные сигналы от вас, значит, надо самым тщательным образом разобраться в происходящем. Общество подошло к нынешней стадии с большими переживаниями, издержками, с деформациями — и с прежними, и, так сказать, уже с перестроечными. Мы вступили в фазу глубоких, фундаментальных перемен во всех сферах жизни и должны сделать все, чтобы, опираясь на то позитивное, что родилось в эти годы, избавиться от этих деформаций, углубить процесс оздоровления нашего многонационального союзного государства.

Это, может быть, самая трудная задача, поскольку речь идет о тонкой, чувствительной материи. Нужны колоссальная выдержка, взаимопонимание и совместные действия. Мы накануне вхождения в рынок, а это — выход на новый уклад жизни, новую экономику, новые отношения и институты.

В прошлом году, когда исполнилось 90 лет Леониду Максимовичу Леонову, я поехал к нему. Поразился, что он был в курсе всех деталей нашей перестроечной мозаики. Самая большая трудность, заметил он тогда, в том, что мы делаем сейчас поворот, который определит, какой быть стране через сто, может быть, и двести лет. Я ему сказал: да, это великое дело, но оно будет идти трудно, драматично. Такие вещи не случаются просто, как в сказке, надеюсь, у наших замыслов будет благополучная развязка.

Мы действуем в трудной обстановке: общество перегружено проблемами, болезнями, страданиями. И очень важно правильно сориентировать людей, иначе они не примут намеченных целей. С этой точки зрения сейчас просто необходимо было встретиться и поговорить. Мне хочется прежде всего послушать вас: что вы думаете, видите, наблюдаете. Не следует удивляться, что мы с вами иногда по-разному реагируем на те или иные вопросы. Художник часто понимает и чувствует иначе, чем политик, у него другие ассоциации, другая реакция. И порой выплескиваются эмоции, которые поражают окружающих, у которых нет столь богатого воображения. Хотя и политика без воображения — не политика. Словом, я просил бы вас поделиться своими мыслями. и если захотите высказать какие-то пожелания — буду приветствовать. Как без стабилизации политической, правовой, экономической ситуации нельзя входить в рынок, так и трудно рассчитывать, что мы сумеем избежать потерь без консолидации общества. Это — самое главное. Несмотря на весь драматизм и даже трагизм этих лет нам тем не менее удалось избежать худшего, сохранить мирный путь развития. Мы должны отбрасывать экстремистов, «бешеных», из какого угла они бы ни выступали. Кое-где появились уже просто фашиствующие элементы, но основная часть нашего общества, куда ни относить позиции людей — к центру, к правому или левому крылу, это—наши люди, наше нынешнее общество, и имеющиеся различия во взглядах надо воспринимать как его естественное состояние.

Состоялся оживленный и заинтересованный обмен мнениями.

Выступление Д. С. ЛИХАЧЕВА

Хочу, во-первых, выразить свое отношение к перестройке. Мы переживаем великую эпоху, но недостаточно это осознаем. В этой эпохе есть вещи, которые останутся на тысячелетия. Это, прежде всего, благоприятные перемены в международной политике, которые касаются всего мира. И второе — это освобождение культуры, имеющее колоссальное значение для нас. Но, когда птицу выпускают из клетки, она сталкивается с двумя трудностями. Прежде всего у нее слабые крылышки, знаю это по опыту: я очень люблю птиц и держал их. И второе — у нее нет корма, хотя она привыкла в клетке его иметь. Именно это у нас сейчас и происходит. Мы выпустили из клетки птицу культуры, но у нас плохо с кормом, питанием, а у нее слабые крылья. То, что мы выпустили эту птицу, имеет колоссальнейшее значение, правда, не для сегодняшнего дня, а на столетия, тысячелетия.

Я не люблю долго говорить, поэтому приготовил для своего выступления тезисы, которые оформил в виде декларации защиты прав культуры. Должна у нас быть и небольшая преамбула, которую я пока не написал.

Первое. Имеется в виду защита всех видов культуры. Мы не забываем, что видов культуры очень много. Культура труда, культура административного руководства, культура библиотечного, архивного и музейного дела, защита научных работников, искусства — всех его видов, объектов культуры, культурных памятников и т. д. Культура человеческой личности и культура человеческого общения. В плане гуманизации нашего общества в условиях нынешней перестройки. Мне даже кажется, что я готовлю декларацию международной защиты культуры, но данный документ имеет важнейшее значение для нашей перестройки.

Второе. Декларация предполагает оставить в нашем обществе приоритет за культурой. Ибо без нее невозможны выполнение всех законов и постановлений, осуществление всех видов человеческой деятельности, преодоление любых недостатков в экономической и социальной области. Это крайне важно!

Материалистическое положение «бытие определяет сознание» мы понимаем вульгарно. Оно очень нам напортило, потому что относится лишь к философским основам бытия и сознания. В конкретных социальных условиях общества именно сознание, то есть культура и дух, определяет бытие. Жизнь является воплощением идей и концепций, которые сейчас нам представлены в процессе перестройки. А не наоборот. То есть сознание наше, как и эта встреча, например, руководит обществом, а не бытие — нами.

Третье. Декларация признает, что культура как наиболее уязвимая часть действительности должна быть защищена специальным законом. Это относится в первую очередь к налоговой системе, которая должна предусмотреть интересы культурной деятельности. Хочу обратить внимание на то, что мы — единственная страна в мире, которая не имеет бесплатных дней для посещения музеев. Эрмитаж во все дни берет с посетителя два рубля, тогда как при царском режиме посещение Эрмитажа было бесплатным. Эрмитаж должен в один из дней недели иметь бесплатный вход для детей, подростков, если мы хотим, чтобы культура их возрастала. Никто из людей, имеющих деньги, этим бесплатным днем пользоваться не будет. Но это нужно для распространения культуры. И не только в Эрмитаже, но и в любом музее страны — Русском музее, Третьяковской галерее...

Между тем все мои попытки добиться этого встречали резкие возражения, потому что уменьшатся доходы. Но нельзя получать доходы от детей и культуры.

Четвертое. Декларация отмечает, что все крупные предприятия, промышленные объединения, скажем, «Кировский завод» или «Горьковский автозавод», туристические организации, которые сами зависят от культуры, окружающей среды, а вы заметили, что я на первое место ставлю культуру труда, должны субсидировать те или иные конкретные культурные предприятия, школы, ясли, детские сады, вузы, техникумы, лектории, музеи, театры, концертные объединения и так далее. С крупных предприятий, которые не знают, куда девать деньги, и предлагают их нашему фонду, нужно брать деньги. Они нравственно обязаны это делать, принимать посильное участие в охране памятников культуры.

Дело в том, что Мамонтов, Морозов, Третьяков, Бахрушев, Щукин и другие могли субсидировать культурные предприятия. Но нет сегодня рабоче-крестьянских предприятий-миллионеров субсидирующих культуру. Мы должны иметь своих мамонтовых, щукиных в виде этих крупных предприятий.

Пятое. Декларация признает, что национальные ценности, музейные объекты, книги, документы любые, архивные материалы являются общенародным достоянием. Это очень важно. И не могут продаваться, перераспределяться, вывозиться с опасностью для их состояния надолго, как сейчас. Эрмитаж на несколько лет увозит свои лучшие произведения, закрывает золотую кладовую. 300 произведений увозятся в Соединенные Штаты, будут ездить по городам с опасностью быть украденными, потом в Японию. Это невозможно. Значит, то, что называется общенациональным достоянием, должно в нашей стране получать высочайшее правительственное разрешение на показ за рубежом.

У меня в Пушкинском доме заключили договор с сотрудниками подводных лодок на приоритетное использование рукописей Пушкина, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, на все основные фонды Пушкинского дома. С людьми, которые даже не понимают, что они взяли на себя. Они говорят, что будут охранять литературные произведения Пушкина. Да не литературные произведения! Рукописи! И Академия наук дает на это разрешение.

Я заявил протест, и вопрос приостановлен. Мне в этом отношении помогает Гидаспов.

Теперь о продаже дублетов. Сейчас и Ленинская библиотека, и библиотека Академии наук продают дублеты ценнейших книг на Запад, антикварам. Причем это мотивируется тем, что у нас несколько экземпляров этой книги. Но ведь у нас абсолютно разорены библиотеки Минска, Киева, и тысячи библиотек нуждаются в дублетах. Так что, прежде чем продавать на Запад, нужно узнать, в чем нуждается наша страна. Ведь книги — это основной хранитель культуры. Необходимо организовать при Президенте комитет по культуре, который бы стоял выше, чем Министерство культуры, и который бы в таких случаях вмешивался и давал разрешения или запрещал вывозить культурные ценности.

Наши произведения импрессионистов и постимпрессионистов из Эрмитажа «затрепали» совершенно выездами, и они становятся недоступными для нашей художественной молодежи. Это совершенно неправильно.

Н. Н. Губенко знает положение. У меня совершенно непримиримая позиция относительно того, что происходит в Эрмитаже. И непримирим был к этому такой человек, как Пиотровский. Когда он заболел, трудовой коллектив взял на себя право распоряжаться национальными ценностями нашей культуры. Положение, когда трудовые коллективы или дирекции распоряжаются национальными ценностями, недопустимо. И декларация должна это заявить.

Шестое. Декларация признает, что работникам культуры в нашей стране должны быть созданы облегчающие их работу условия, предоставлены льготы. Ведь они являются учителями и воспитателями. Вы помните, Бисмарк заявил, что он войну с Австрией выиграл благодаря учительнице, потому что лучшие учителя были в Германии и в Австрии. Сюда же надо отнести библиотекарей и архивистов, музейных работников, имеющих дело непосредственно с памятниками культуры, актеров, художников, музыкантов, всех людей творческого труда.

Седьмое. Декларация признает необходимым обсудить постановку искусствоведческого образования и подготовку реставраторов. У нас она просто в бедственном состоянии, даже в Москве искусствоведов не хватает. Поэтому искусствоведческое образование, среднее историческое образование должны получать хотя бы работники таможни, работники милиции и т. д. Искусствоведов нужно гораздо больше, и надо целый ряд профессий, особенно правоохранительных, образовывать искусствоведчески.

И последнее. Декларация признает необходимым расширить в школах преподавание гуманитарных дисциплин, имея в виду, что образованность и культура являются условиями успешного труда в области техники, экономики, торговли, естественных наук и т. д.

М. С. Горбачев: Спасибо. Я полностью с такими подходами согласен. Желание решать эти вопросы у нас есть, но нет механизмов, которые бы его реализовывали. Не знаю, нужно ли помимо Министерства культуры создавать еще комитет, но, может быть, ввести министра культуры в Президентский совет, а при Президентском совете создать совет деятелей культуры?..

Голос из зала: Это правильно.

М. С. Горбачев: И больше проводить регулярных встреч.

Выступление С. В. МИХАЛКОВА

Меня, всех детских писателей беспокоит то, что происходит сегодня с будущим нашего государства. Возьмем с пионерского возраста. Даже раньше, с 7—8 лет дети смотрят телевизор, разговаривают с родителями, друг с другом на улице, этих разговоров мы не слышим, но знаем их. В школе — это не анекдот, а факт — знакомый мальчик на уроке должен был читать текст Государственного гимна, и учительница ему поставила за чтение тройку, так как он сказал: «А страна-то разваливается». Мальчик это прочитал в журнале. Идет планомерная, систематическая, ежедневная компрометация средствами массовой информации всего того, на чем воспитывались поколения. Я не хочу вдаваться в историю этого большого вопроса, потому что он коснулся всей страны, но компрометируются государственные символы, издеваются над текстом гимна — мол, слова устарели, нет никакой «дружбы народов», ничего Русь не сплотила и т. д. Все вокруг меняется: переименовываются улицы, снимаются памятники. И об этом настойчиво сообщается каждый день.

Ансамбль поет: «Добрый дедушка Ленин, ты такой хороший, а мы твои внучата, но у нас нет хлеба, нет картошки, зато дело живет, так лучше бы это дело умерло, а ты остался жить». Это поют какие-то ансамбли. Что же происходит в сознании ребенка, подростка?

Я не знаю, чем это кончится и как на это реагировать. Знаю одно: единственное средство повлиять на молодежь, детей—это литература, кино, театр. Но что здесь происходит? Детскую литературу печатать невыгодно: книга стоит дешево. Типографии перешли на заказы кооперативов. Единственное в Советском Союзе издательство «Детская литература» получило с огромным трудом при помощи товарища Дзасохова, между прочим, обратно бумагу, которую изъяли, чего не было и во время Великой Отечественной войны. Но фабрика «Детская книга» отказывается печатать детскую литературу, потому что заключила договоры с кооперативами и печатает их буклеты. Фабрике безразлично, что печатать, главное — большие деньги. А детская литература в тупике. Не говорю уже об отсутствии тетрадей. И когда мы говорим, что детям все лучшее,— это ложь.

Раньше мы воспитывали детей честными ленинцами. Но серьезными ленинцами называли и Брежнева, и Черненко, и Романова, и Гришина — всех, а потом выяснилось, что не такие уж они верные ленинцы. И сейчас уже в школах детей не воспитывают как верных ленинцев, обходят это. Что делать? В большом, государственном плане — не знаю, потому что я не большой политик, как говорится, но вот в той области, в которой я тружусь, думаю, происходит трагедия: с детской литературой, детским театром. Где сейчас детский театр? Там идут взрослые пьесы. И как мы ни бьемся, для маленьких детей пьес не ставят, потому что это невыгодно. А как много бьется Р. Быков. С каким трудом ему удалось организовать детский киноцентр. Они выпустили прекрасную картину «Золотая шпага», но это единственная ласточка. И детского кино нет. Студия имени Горького не выпускает детских картин, делает взрослые фильмы, детективы, что угодно, только не ленты для детей.

Выступление М. Ф. ШАТРОВА

Я хотел бы начать с одного, может быть, частного, но для меня очень принципиального замечания. Хочу со всей определенностью поддержать выступление Президента на сессии Верховного Совета по поводу статьи А. И. Солженицына. Это очень серьезное, важное и необходимое для страны выступление, хотя я прекрасно знаю, что кое у кого оно вызвало зубовный скрежет. Безусловно, это великий писатель, мыслитель, но вместе с тем человек, чьи политические позиции в ряде пунктов я не разделяю. Мы давно ведем эту полемику, и я попытаюсь обобщить, что нас разделяет. Есть мнение: все, что произошло в нашей стране, является сутью марксизма и ленинизма. Для меня же это страшное и трагическое искажение сути марксизма-ленинизма. Доводы ищутся в практике обеими сторонами. Я считаю, что мы должны найти наши доводы в осуществленной, победившей перестройке. Вот самая главная ответственность, которая выпала на наше поколение.

Я долго думал, что мне здесь сказать, и решил поделиться субъективными ощущениями, чтобы все могли сопоставить их со своими собственными. Наверное, в чем-то я не прав, но во всяком случае буду говорить со всей искренностью и тревогой, которая меня охватывает с каждым днем. Мне кажется, мы сползаем в смутное время. Еще не могу сказать о параличе власти, но состояние киселя налицо. Растут экстремистские крылья и справа, и слева, нагнетается общественный психоз.

Консерваторы и демократы в партии вцепились друг в друга мертвой хваткой, фактически парализовали себя, занимаются только тем, что извергают тысячи новых слов, платформ, заявлений, полупозиций, которые уже никто не читает и не хочет читать. Огромный потенциал нескольких миллионов демократически настроенных коммунистов, готовых пойти за Вами, Михаил Сергеевич, не востребован. Люди растеряны, сидят без дела, и многие начинают подумывать, что, видимо, им надо уходить из партии.

Идея сильного левоцентристского блока носится в воздухе, но попытки создать его подрываются политическими амбициями, людьми, которые беззастенчиво делают карьеру на демократии. Доходит до того, что люди, называющие себя демократами, кричат: «Не надо убирать картошку, ибо этим мы укрепляем административно-командную систему». Другими словами: чем хуже, тем лучше. Кому лучше? Я думаю, и наша интеллигенция несет свою долю ответственности за безоглядное разрушительство и за обстановку психоза в стране.

Опыт многих революций говорит, что интеллигенция способна раскачать корабль. Но вопрос в том, способна ли она удержать его, когда поднимаются такие страшные волны, выходят наружу такие радикальные силы, которые никогда не оставят интеллигенцию не только на капитанском мостике, но и на самом корабле? Может быть, стоит задуматься над этим? Может, стоит вспомнить опыт последних месяцев и судьбу тех сил в близких нам странах, которые начали там перемены? Где они теперь? А может быть, вспомнить и опыт нашего 17-го года? Да, стали раскачивать корабль, демонтировать его, но раскачивать надо более осмотрительно. Не давать в этой ситуации возможности командовать не здравому смыслу, а логике борьбы, которая гласит: «Если Горбачев говорит — да, мы говорим — нет, и наоборот».

Страшная логика. Хочется вспомнить слова С. Ю. Витте о радикализме нашей интеллигенции. Он говорил примерно так, что наша интеллигенция напоминает шахматного игрока, который, видя, что партия уже выиграна и остался еще один ход, чтобы поставить мат, вдруг вскакивает, хватает доску и начинает бить ею противника по голове. Я почти физически чувствую, как правит бал сегодня не здравый смысл, а эмоция, логика борьбы, прикрытая демократической фразеологией, а под всем этим часто голенькая политическая амбиция во всей ее отвратительной наготе. Хочу власти! Если там президентом стал драматург, то почему я, доцент или младший научный сотрудник, не могу командовать СССР? Это не наша специфика. Такие люди есть везде, но наша особенность, что все это происходит на фоне пустых фраз.

Никому и никогда не удавалось выйти из экономического кризиса в условиях митинговой демократии. Сенат США в годы великой депрессии дал Рузвельту чрезвычайные полномочия, и никто в этой стране не кричал, что гибнет демократия. Мы кричим, потому что над нами тень Сталина, а за спиной — страшное прошлое, страшный голод. Но, несмотря на все это, я убежден — иного пути у нас нет. Будущее общество, где будет только одна диктатура — диктатура совести, требует, чтобы сегодня была диктатура закона. С моей точки зрения, это возможно только на путях резкого усиления президентской власти, не декларативного, не словесного и не бумажного.

Должен здесь сделать одно замечание. Я считаю, что все последние выступления правительства, академиков и, извините, иногда и президентские указы страдают тем, что люди их не понимают. Я считаю себя в достаточной степени подготовленным читателем, но не могу разобраться в этой эквилибристике экономических терминов. А ведь эти документы предназначены не для узких специалистов в области экономики, а для простых людей. Указы Президента должны быть понятны каждому простому нормальному человеку.

Я представляю, как обидно человеку, имевшему в 1985 году неограниченную власть и сознательно начавшему вместе с соратниками процесс разрушения этой власти, процесс демократизации, слушать обвинения в покушении на демократию. И тем не менее это надо пережить. Это пена. Революция дороже наших самочувствий. Главное сегодня — спасти перестройку, спасти революцию. Без твердой власти, а это последовательная власть, нам революцию не спасти.

Но для того, чтобы власть была властью, ей необходима опора, и над этим надо обязательно и немедленно работать. Я убежден, Михаил Сергеевич, что миллионы людей готовы протянуть Вам сегодня свою руку, но они должны почувствовать Вашу руку, руку человека, который понял, что в дни революции искать среднюю линию — это все равно что ловить собственную тень. Как это ни прискорбно, но сегодня, сейчас, не время для консенсуса с крайне левыми и крайне правыми, а время определенности и готовности взять на себя ответственность за судьбу революции и страны. Именно так я понимаю мотивы, которые заставили Вас сегодня выйти на авансцену. Я имею в виду Закон о дополнительных полномочиях Президента и целиком и полностью поддерживаю его.

Я думаю, что и Вы, и мы переживем эти психические нападки и обвинения в возврате к тоталитаризму. Настроения людей и их коренные интересы иногда не совпадают. Нападки исчезнут с первыми признаками улучшения ситуации. Но гораздо хуже, если Вам и нам придется сесть за мемуары под названием «Время упущенных возможностей». А может быть, и этого нам не дадут сделать.

С полным и ясным пониманием Ваших мотивов, с полным и ясным принятием стратегических целей, которые Вы провозгласили, я хочу высказать Вам и от имени тех людей, которые разделяют мою точку зрения, свою полную и определенную поддержку. И вместе с тем я хочу напомнить слова Владимира Ильича, сказанные в 1918 году примерно в очень похожей ситуации: если мы не сделаем отчаянных усилий для превращения киселя в нечто твердое, мы слетим.

Выступление Ф. М. БУРЛАЦКОГО

Прежде всего я хотел сказать несколько слов о нынешней роли культуры, потому что мы вступаем в довольно трудный, переходный период и надо подумать о каких-то общих направлениях нашей деятельности. Пять лет в большей или меньшей степени все мы участвовали в разрушении административной системы, тех ценностей, которые, собственно, уже не работают. Мне кажется, сейчас настала пора вступить в пору созидательной деятельности, культурного возрождения и бороться за него общими силами. Потому что, если не будет конструктивной постоянной работы по возрождению нравственного духа нашего народа, из перестройки ничего не получится. Мы не создадим того типа динамичного человека, который должен стать движущей фигурой и парламентской жизни, и свободной экономической системы, которую мы называем рыночной. Это мне кажется чрезвычайно важным.

(Продолжение на 2-й стр.)

Сессия Верховного Совета СССР

Спор и истина

Как-то после некоторого перерыва в моих репортерских посещениях сессионных заседаний Верховного Совета страны я спросил знакомого народного депутата, чем занят наш парламент, и он, депутат, ответил:

— Если двумя словами сказать, то — ищем истину, если одним, то — спорим...

Действительно, между этими лапидарными определениями работы парламента можно поставить знак равенства, исключая, конечно, тот случай, когда спор ведется во имя спора. Розыском какой же истины занимались вчера парламентарии страны?

Накануне, то есть позавчера, они приняли в целом Закон СССР об общественных объединениях, не договорившись, правда, о 16-й статье — «Партии, массовые общественные движения, профессиональные союзы». А теперь предстояло обсудить его постатейно, в том числе и вернуться снова к «камню», вернее к «валуну», преткновения—статье 16. Иначе говоря, вчера предстояло обсудить 25 статей закона, но уже на восьмистрочной его преамбуле парламентарии «застряли» чуть ли не на полчаса. Речь шла о том, в каком порядке поставить те или иные слова преамбулы, чем их дополнить.

Председательствующий А. И. Лукьянов определил такие дискуссии, как «утреннее разогревание» парламентариев. Первую статью закона в том виде, в каком она была внесена Комитетом по законодательству и комиссией Президиума Верховного Совета СССР с учетом прежних предложений и замечаний, парламентарии приняли после «разогревания» только в начале второго часа утреннего заседания сессии. Спор разгорелся вокруг того, ставить ли в один ряд с общественными объединениями 140-миллионные профессиональные союзы. Ведь среди общественных объединений есть и очень малочисленные, и очень специфические, типа объединений кролиководов... В результате голосования слова «а также профессиональные союзы» в 1-й статье закона, перечисляющей виды общественных объединений, оставлены. Думаю, однако, что истину здесь еще придется поискать, в частности, при обсуждении законопроекта непосредственно о профессиональных союзах, которое предусмотрено рабочим расписанием сессии.

Или возьмем еще одну формулировку, которую депутат П. Коньков в 3-й статье предложил сократить, то есть оставить ее без слов «в том числе классовой»: не допускаются, мол, создание и деятельность общественных объединений, имеющих целью или методом действий... пропаганду войны, насилие и жестокость, разжигание социальной, в том числе классовой, а также национальной и религиозной розни... Сокращение формулировки при голосовании не прошло, и таким образом каким-либо объединениям, а речь, как пояснил депутат С. Станкевич, идет прежде всего о политических партиях, запрещено разжигать классовую рознь.

Найдена ли тут истина? Как я понял, при переходе к рыночным отношениям наше общество разобьется на людей определенно «бедных» и достаточно «богатых» (а к этому, кажется, все идет), однако классовый антагонизм между ними «разжигать» у нас отныне и в будущем запрещено. Вместе с тем, хочешь или нет, такой антагонизм, или рознь — история человечества об этом говорит — возникнет и существовать будет. Подчинится ли он закону?

На вечернем заседании, продолжая постатейное и поабзацное обсуждение закона, члены Верховного Совета достигли статьи 15. И остановились. Как заметил А. И. Лукьянов, перед парламентариями выросла «неприступная крепость статьи 16», рассмотрение которой он предложил провести на свежую голову, то есть с утра в среду.

Репортаж из Кремля вел
С. ПАСТУХОВ.
(Спец. корр. «Правды»).

Уважаемые читатели!

Очередной выпуск «Дискуссионного листка» будет опубликован в завтрашнем номере.

ПРОЕКТ «КОСМОС — ДЕТЯМ»

Первый раз в звездный класс

Все было. Кипели, возмущались, говорили резкости, чуть ли не требовали от В. А. Шаталова, чтобы зачислил своей властью в Звездный городок на подготовку... Генерал Шаталов терпеливо отвечал, что он не зачисляет «в космос» и в Центр подготовки по своему усмотрению, он выполняет программу... И вот все позади. И все впереди.

Утро первого октября, актовый зал Центра подготовки космонавтов. Множество людей, среди которых узнаю многолетних земных тружеников блистательных полетов. Инженеры, методисты, врачи. И, конечно, бывалые космонавты. Находиться в центре такого внимания трудно. Но еще трудней было прийти к этому дню через барьеры творческого конкурса и сито медицинского отбора. Поэтому просто горжусь журналистами, получившими равное право с летчиками и врачами сесть за космическую парту. Напомню: штатный космический репортер среди них только Валерий Бабердин из «Красной звезды» (спасибо, Валера, что спас флаг нашего цеха). Остальные — Светлана Омельченко, Александр Андрюшков, Юрий Крикун, Павел Мухортов, Валерий Шаров впервые вступили на тропу этой непростой темы. И сразу — методом личной пробы.

— Передо мной ряд документов, которые удостоверяют, что все формальности позади, процедурные вопросы улажены, межведомственная комиссия рекомендовала к зачислению на подготовку группу журналистов, группу врачей и группу летчиков — так начал свою актовую лекцию начальник ЦПК дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР генерал-лейтенант авиации Владимир Шаталов.

Надо ли напоминать, что многие из нас действительно довольно поверхностно представляют тернии космонавтики, которые стерегут там на каждом шагу. «Мы хотим, чтобы вы ясно поняли, что ожидает вас в полете, и были готовы к этим неожиданностям».

С указкой в руке, у аккуратной схемы, старательно выполненной в плановом отделе, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР генерал-майор авиации Алексей Леонов расшифровывает понятие «Программа подготовки». Она займет полтора года. Вот эта непрерывная оранжевая линия — то, чем кандидаты будут заниматься непрерывно весь срок обучения. А именно — медконтроль. Рядом такая же линия физической подготовки. И еще одна — кинофотоподготовка, которая завершит-

(Окончание на 6-й стр.)

Рихарду фон Вайцзеккеру, Гельмуту Колю

Уважаемый г-н федеральный президент!

Уважаемый г-н федеральный канцлер!

Примите мои поздравления вам и всему немецкому народу. Объединение Германии, свершившееся в согласии с соседями, с другими государствами и народами,— великое событие не только для немцев. Оно произошло на стыке двух эпох. Стало символом и, надеюсь, будет фактором утверждения всеобщего мирного порядка. Объединение не состоялось бы, если бы не глубокие демократические внутренние преобразования в наших странах, если бы реально, в жизни, не нашли отражения правильные выводы из трагедии самой страшной войны.

В этот знаменательный день хочу отдать должное всем — и у нас, и у вас,— кто, преодолевая горечь, помня о потерях, чтя память о погибших, в то же время не уступил предубеждениям и страхам, упорно работал для будущего, сделав возможным именно такое, мирное и достойное, решение «германского вопроса».

Мы многого ждем от новых отношений с Германией. История, глубинные корни взаимовлияния и встречного тяготения, положение наших государств в Европе и в мире, их колоссальный и взаимодополняющий потенциал делают возможным и естественным многообразное сотрудничество. Этому, надеюсь, послужит договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве, который будет вскоре заключен и который призван заложить основу для наших отношений на историческую перспективу.

Желаю великой немецкой нации счастья, процветания и вечного мира в добрососедстве и содружестве европейских народов.

Президент Советского Союза
М. ГОРБАЧЕВ

◇ ◇

Интервью «Правде» главы правительства объединенной Германии Гельмута Коля.

● 5 страница

ВРЕМЯ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ

(Продолжение).

Второе, что хотелось бы сказать. Сейчас мы стоим перед фактом определенного распада национальной культуры. Раньше все-таки у нас была единая культура страны. Теперь культура начинает расходиться по разным национальным квартирам. Конечно, национальное возрождение неизбежно. Но если мы задержимся на этом этапе, то все наше культурное возрождение, как и дело перестройки, может рухнуть. Поэтому надо общими силами думать о том, чтобы именно культура стала цементом, соединяющим все нации, народы. Хорошо это или плохо, но идеология уже в какой-то мере отступает на задний план. И именно культура с ее новыми ценностями должна стать, мне кажется, цементирующей идеологией нашего воссоединения. И другого цемента нет, товарищи. Даже экономические интересы не будут им, поскольку всегда эгоистичны.

Не могу не сказать несколько слов по поводу того, что говорил М. Ф. Шатров относительно Солженицына. Это одно из самых сложных явлений нашей культуры. Нельзя не видеть эволюции, которую проделал Солженицын в этой своей работе, придя к проповеди гражданского мира, выступлению против гражданской войны, к защите президентской власти, защите в сущности аграрной программы, которую мы утвердили, защите общинного самоуправления, которое и есть основа государственной власти.

Я, конечно, ни в малейшей степени не приемлю идеи, связанные с расползанием страны на национальные квартиры, ряд других мыслей. Но зачем же нам воевать сейчас против Солженицына, зная всю его судьбу? Кроме того, посмотрите, как сейчас толкуется русская идея в стране. Она экстремистски противопоставляется другим народам, а его русская идея при всех обстоятельствах — это идея соединения русского народа и русского духа с другими народами нашей страны. Поэтому не будем спешить отвергать что-то, давайте брать на вооружение то, что особенно ценно в таком крупном явлении...

Еще один вопрос, уже организационный. Я полностью поддерживаю идею Д. С. Лихачева: в защиту культуры надо выступать сообща. Не как-то по отдельности с нашими интеллигентными призывами, а именно как организованная сила. Надо нам объединиться всем и бороться за интересы культуры, бороться профессионально, в том числе в Верховном Совете, посредством законов.

Теперь о независимой прессе. Неизбежно ее изменение по новому закону, и не надо никому обижаться. Трудовой ли коллектив берет на себя ответственность или творческий союз — главное, чтобы эти новые формы содействовали сотрудничеству прессы с деятелями культуры и литературы.

И еще один вопрос, о, так сказать, презренном металле. Увы, без этого не обойдешься, когда речь идет о культуре. Смотрите, что получилось с новой налоговой системой. Нас обманули. Я говорю это с полной ответственностью.

Голос из зала: Совершенно точно.

Ф. М. Бурлацкий: Это скажет здесь любой. Обманули министр финансов и некоторые комиссии во время обсуждения на Верховном Совете СССР. Я многократно ставил этот вопрос и получил ложную информацию о том, что означает новый закон. Что же получилось? Авторский гонорар — 60 процентов налога. Даже руководитель ВААП не завизировал это. 60 процентов налога — это значит, что все остальные налоги тоже смещены вверх, хотя на предварительной стадии говорили, что будет 45 процентов с авторского гонорара. И все соответственно выстраивается. Это удар по истинным литераторам, которые годами готовят книгу, по настоящей литературе, а не по тем, кто конъюнктурно печатается сегодня и завтра. Это не то, что надо было принимать.

Второй вопрос — налог с предприятий. Что получилось, например, с нашей газетой? Почему мы сейчас вступили в определенный конфликт со своим любимым Союзом писателей? Наша газета, и, наверное, это относится ко многим другим, должна платить вдвое против того, что обычно платила,— треть. 45 процентов обычного налога и 35 процентов Союзу писателей — итого, 80 процентов дохода. Как же я могу жить в условиях конкуренции, когда появились деловые люди и все остальные, которых финансирует Запад? Как же мы будем модернизировать хозяйство?

Я прошу Вас, Михаил Сергеевич, думаю, товарищи меня поддержат, издать специальный указ и внести коррективы в налоговую политику, касающуюся культуры. Это будет колоссальный жест со стороны президентской власти. В Верховном Совете не все понимают значение культуры как основы общества. Я прошу рассмотреть вопрос о подготовке специального указа, чтобы внести коррективы в налоговую политику в отношении авторского права и в налоги, касающиеся предприятий, учреждений культуры и искусства.

М. Ф. Шатров: Федор Михайлович меня неверно понял, потому что я подписываюсь под тем, что он сказал. Я только приветствовал оценку некоторых идей Солженицына Президентом и еще раз сказал о том, что меня с этим писателем разделяет...

Выступление
Н. Н. ГУБЕНКО

Надо быть очень осторожными, чтобы не подвергнуть Президента опасности критики за его указы. Возьмем предложение относительно урегулирования налоговой практики — не надо перепоручать Президенту то, что он может только рекомендовать Верховному Совету...

Голос из зала: По последнему закону он имеет на это право...

Н. Н. Губенко: Но лучше им не пользоваться, потому что Верховный Совет все-таки должен сам решать. Вы голосовали за это...

М. С. Горбачев: Самый сложный вопрос: как пользоваться этим правом Президенту. Часто для того, чтобы довести право до конца, надо наступить на горло себе и всему, что мы начали. Где остановиться — это вопрос вопросов. И тем не менее время пришло, надо действовать. Я еще об этом скажу.

Н. Н. Губенко: Я никогда не жаловался на личные обстоятельства, как бы они ни складывались, но, когда речь идет о целостности государства и страны, мне *кажется, не грех бы* нам всем здесь и пожаловаться. Мы ощущаем в определенной степени нетерпимость и агрессивность всех без исключения нижестоящих звеньев по отношению к вышестоящим государственным структурам. Все ищут козла отпущения где-то повыше, и желательно в центре.

Но это может привести к разрушению не только экономического пространства, но и духовного, нравственного пространства. Естественно, привычка к свободе у нас отсутствует, начиная с известных 30-х годов. Мы захлебываемся непривычной свободой и разрушаем культурно-историческую традицию, которая в результате многовековой истории— от Киевской Руси через татарскую Русь и петровскую Русь — соединила на одной территории огромное количество наций и назвала их Союзом Советских Социалистических Республик. Я думаю, что культура, нравственность, вера должны внести свою лепту в эту развивающуюся сейчас у нас чашу суверенитетов, чтобы мы могли сохранить эту страну.

Понимая культуру как целое, которое представляет собой органическую взаимозависимость интеллектуальных, нравственных и эстетических аспектов, главное, на мой взгляд, сегодня при заключении Союзного договора предусмотреть включение в него соответствующих полномочий на проведение Союзом ССР совместно с субъектами федерации общесоюзной культурной политики. В условиях суверенитета не существует ответа на вопрос: Союз или республика вправе полновластно распоряжаться в сфере культуры. Но если речь идет о том, кто вправе и обязан способствовать ее развитию, ответ может быть только один: все, кто имеет желание заботиться о культуре, начиная с конкретного человека и кончая союзным правительством и Президентским советом.

Общесоюзная культурная политика необходима для сохранения Союза как суверенного государства, независимо от того, будет он иметь федеративное или какое любое другое устройство. Общеэкономическое пространство предполагает общекультурное пространство. Это включает свободу передвижения граждан по территории страны, существование единых вооруженных сил, участие в международных отношениях в качестве целостного государственного образования. У нас же сейчас действительно от жэка, лестничной площадки до Президентского совета каждый трактует себя центром Вселенной. Это чревато катастрофой, ибо приведет к полному распаду всяческих государственных структур.

Можно, скажем, придумать те или иные республики на основе научных исследований. Но духовно-территориальное разделение невозможно, потому что более 60 миллионов человек живут за пределами своих национальных образований. Как осуществлять общесоюзную культурную политику, если мы разделим все на республики? Доходит до абсурда, когда люди говорят: все русское должно быть в русских музеях, в русских библиотеках, а все литовское — в литовских музеях. Ставят вопросы о перераспределении музейных ценностей, которые складывались на протяжении веков.

Известна история с коллекцией, которая оказалась в 1915 году в Воронеже, куда император отправил ее в период первой мировой войны. Сейчас Эстония ставит вопрос о возврате этой коллекции. Но от чьего имени? *В 1915 году Эстония еще была* губернией в царской империи. Тут много юридических вопросов, и если мы возьмемся за перераспределение музейных и литературных ценностей, то никогда не разберемся.

Получается, что в симфоническом оркестре медные говорят: у нас свой суверенитет, смычковые говорят: у нас свой, у ударников тоже свой суверенитет, и все вместе не хотят, чтобы дирижер ими руководил. Симфоническое произведение в данном случае — это программа перехода к рыночной экономике, а композиционная структура — это, по всей видимости, Союзный договор. Значит, надо договориться, какую партитуру мы играем, и какая республика, какая автономия в этой партитуре что исполняет. Тогда все звучит при дирижере — при Президентском совете и при Президенте.

Если мы признаем, что необходимо проведение общесоюзной политики, понадобится какой-то орган — будь то президентский комитет, министерство культуры — безразлично какой, который будет осуществлять в рамках закона о разграничении полномочий Союза и субъектов федерации то, что ему законом указано,— направление, стимулирование и координация. Мы говорили с новоиспеченным министром РСФСР Ю. М. Соломиным — он подключился к этому процессу чуть позднее, но в принципе это согласовано со всеми без исключения первыми лицами культуры в республиках. Они согласны включиться в какие-то государственные структуры, чтобы совет республик, творческие союзы, представители родственных ведомств в лице академий, Госкино, Академии художеств, Гостелерадио распределяли то, что должно стать финансовым и организационным стержнем этой общесоюзной культурной политики.

Это должен быть некий фонд, формирующийся на основе стабильной доли бюджета. Иначе республики не будут заинтересованы в проведении общесоюзной координации.

Сейчас мы формируем бюджет страны как исключительно огромный военный бюджет плюс топливно-энергетический и транспортный. Мы не предусматриваем в 1991 году ассигнований из союзного бюджета на культуру. А значит, признаем, что становимся практически разделенными, суверенными государствами. Если это так, то проведение общесоюзной политики невозможно. Соединение и координация невозможны. Мы становимся военно-политическим блоком, который заменит Варшавский Договор. Это катастрофа.

Если мы согласимся, что есть общесоюзная политика, есть фонд, который является стержнем этой политики, то должны понять и дать понять республикам, что есть и понятие государственной собственности. Подходы здесь разные. Россия полагает, в частности, и я так считаю, что все должно быть распределено в рамках Союзного договора, но в принципе каждая республика говорит: все, что на моей территории,— мое.

Ну что за постановка вопроса? Дело же не в собственности и не в праве ею распоряжаться, а в том, что о культуре каждый *должен заботиться.*

М. С. Горбачев: А потом исторически сложились такие образования в науке и культуре, которые решают задачи, удовлетворяют потребности всей нашей огромной территории. Ведь эта общность народов формировалась не только десятилетиями, но и столетиями. Вообще говоря, изоляция в науке, культуре и так далее — это путь конфронтации. Мы даже чувствуем, что многое теряли, когда в условиях определенного времени у нас были очень сужены научные связи. Сколько мы на этом проиграли! Единственно разведка добывала сведения, и называлось это «научным обменом».

А теперь контакты начинают делать что-то, приводят в движение умы, которыми никогда наша страна бедна не была, и все заинтересованы в этих контактах. И мы опоздали, и вы тут опаздываете. Иногда многие идеи наших ученых не могут реализоваться, потому что нет аппаратуры или средств для того, чтобы их реализовать.

А о культуре я и не говорю! Если мы разорвем всю эту человеческую ткань! Вообще, чем больше я вникал во все эти дела — человеческие, территориальные — в эту многослойность расселения народа, тем лучше понимал: если мы сохраним страну, а я думаю, мы должны все сделать для этого — народ не позволит иначе,—то нас не разделит никто. Вот территории: только 30 процентов границ установлены государственными актами, а 70 процентов — райсоветами. А раз так, то надо еще посмотреть все эти границы. И получится: на основе демократизации всех отношений, с учетом правильно понятых интересов республик и народов, даже самых малочисленных народов, мы выходим снова на то, что уже сложилось столетиями. Мы вот клянем унитарное государство, но ведь оно было. При нем была экономика, при нем связи сложились, попробуй сейчас их нарушить.

Между прочим, те, кто первым попробовал, сейчас столкнулись с непреодолимыми проблемами. Россия сама разобралась, от нее и пошел импульс к выработке союзной экономической программы.

Не случайно в Западной Европе ломают все преграды, ищут возможности дальнейшего наращивания контактов, чтобы интеграционные тенденции разворачивались и дальше. Другое дело, мы хотим похоронить то, что было унитарным, что лишало народы республик, в том числе Россию, возможности чувствовать себя хозяевами. Отрицаем все, что неприемлемо, убираем все ненужное...

Голос из зала: Михаил Сергеевич, но в вопросах территориальных, собственности мы дошли уже до абсурда. Красная Пресня объявляет суверенным свое воздушное пространство, а какой-то район заключает прямые дипломатические отношения с Японией.

М. С. Горбачев: Помните, у Салтыкова-Щедрина: даже самые плохие законы не представляют в России большую беду, потому что их недостатки компенсируются неисполнением закона.

Н. Н. Губенко: Выделить сколько-нибудь общие принципы определения общенационального статуса того или иного объекта культуры, взаимодействия его с местными властями практически невозможно. В самом общем виде важны культурно-историческая традиция, конъюнктура и здравый смысл. Что делается в международном сообществе по этому поводу? Как определяется общенациональный статус тех или иных объектов культуры?

Во-первых, их общенациональной значимостью, символичностью, консолидирующей государство. Затем исторически сложившимися традициями, привычкой и, наконец, значимостью для международного престижа, для представительства от лица государства или нации, как символа незыблемой государственности. Необходимостью поддержания средствами авторитета центральной власти той или иной культурной инициативы, эксперимента, художественной новации. Необходимостью осуществления определенной целевой правительственной культурной программы и т. д.

Это же—здравый смысл. У нас сейчас совершенно другие подходы: отдай мне мое, и все. А зачем, спрашивается, тому же Соломину надо будет брать себе Большой театр, который выполняет общесоюзный заказ по подготовке балетной смены, Библиотеку им. Ленина, которая готовит нормативные и методические рекомендации для всего Союза, удовлетворяя его, Третьяковскую галерею или тот же Эрмитаж... Возьмем Третьяковку, на которую сейчас претендуют и Союз, и Россия, и Москва, а ведь ее фонды складывались не только из дара Третьякова, но и за счет Союза, и от иностранных партнеров, которые делали подарки Союзу как цельному государству. Это огромнейшая часть фондов... Разве их разделишь?

Два практических вопроса. К концу этого года завершается межгосударственная договоренность о культурном обмене с 48 странами из 81, с которыми у нас есть отношения. Мы практически не можем продлить эти договоренности из-за волевой, жесткой позиции Моссовета, который решил брать в валюте за гостиницы, транспорт со всех иностранных подданных, независимо от их принадлежности и профессии. Мы не потянем этого, у нас просто нет таких денег. Ставлю в известность, что, если так будет дальше, мы должны будем прекратить культурные контакты с 50 странами. На мой взгляд, в Союзном договоре нужно предусмотреть соответствующие полномочия на проведение Союзом совместно с республиками общесоюзной культурной политики, финансирование культуры, искусства. Необходимы дополнительные источники финансирования. Предприятия сейчас имеют возможность направлять на культуру один процент прибыли, я звоню генеральному директору ЗИЛа и говорю: «Дайте мне парочку миллионов, чтобы я повысил зарплату симфонических оркестров, которые разваливаются, или солистам Большого театра». Он говорит: «А зачем, у меня самого 19 дворцов культуры». Люди не понимают, что имеют возможность на своих территориях, в своих регионах помочь культуре за счет Закона о налогообложении. Никто не хочет вкладывать, а ведь этот процент освобождается от налога. Но у них мозги так устроены, что они не могут понять. Словом, указ о культуре необходим.

Выступление
С. П. ЗАЛЫГИНА

Раз уж собрались здесь представители культуры, то в первую очередь, разумеется, речь должна идти о ее положении. В то же время я представляю себе, что Вы, Михаил Сергеевич, собрали нас здесь не только для того, чтобы мы поговорили о своих собственных нуждах. Положение настолько критическое, настолько серьезное, что, очевидно, мы должны выходить за пределы своей специальности и быть просто гражданами.

Мне кажется, настало время, когда и с интеллигенции должно что-то спросить. У меня такие вопросы возникают. Во-первых, что интеллигенция сделала? Во-вторых, что она не сделала? И в-третьих, что она натворила?

А натворили мы очень много. Я думаю, что, например, в том положении, в котором сейчас оказалась наша национальная политика, очень во многом виноваты интеллигенты. Они были застрельщиками всех проблем в этой сфере, которых мы сейчас расхлебать не можем.

У нас почему-то нет никакой попытки отдать самоотчет в своих действиях: что же мы все-таки делаем? Выступает человек в Верховном Совете или еще где-нибудь и агитирует, призывает, а мне всегда очень хочется спросить: да ведь этот человек, кроме того, что он депутат, кроме того, что он оратор, еще где-то работает, что-то делает? Так не лучше бы рассказать, как обстоят дела в учреждении, которым он руководит?

В нашей стране все стали критиками. И опять-таки это пошло от нас с вами. На телевидении, в прессе нет серьезного диалога. Очень редко мы видим двух участников беседы, достойных друг друга. Была хоть одна такая программа на телевидении? Не было. Можно потеснить всякие там танцульки, в конце концов, ради таких, очень серьезных проблем. Если бы сейчас наше заседание транслировать по телевидению, что бы положа руку на сердце сказали люди? В колхозах, на заводах можно предвидеть, что сказали бы: вот опять треплется. А масла нет, того нет, пятого нет. Значит, действительно сейчас нужны какие-то совершенно решительные, совершенно конкретные шаги, прежде всего экономические.

Мы все время рассуждаем о том, какой должна быть экономика, какое у нее должно быть направление. Но чтобы рассуждать о том, какая должна быть экономика, ее направление, нужно иметь какую-нибудь экономику, а потом уже думать, что с этим предметом делать. А у нас в руках ничего нет, а мы рассуждаем о том, что нам делать, если у нас что-то такое будет. Я не экономист, не знаю, как это сделать, но если мы сейчас материальное положение хоть немножко не изменим, что-то не дадим людям, ничего все эти наши программы стоить не будут.

Доверия и к правительству, и к Президенту, и к интеллигенции в целом в народе нет, его нужно создать. Может быть, нужно образовать, как в революционное время, рабочие контрольные бригады, которые занялись бы вопросами контроля. В этом деле мог бы участвовать весь народ, ведь он научился у нас только разговаривать. И пока не дадим народу в руки какое-то конкретное дело, пускай маленькое, ничего не изменим. Мы сами запустили народ по пути разговорному. Нам надо начинать с нуля. Но, вы знаете, у нас сейчас отрицательная величина, и нам предстоит еще достигать этого нуля, от которого, как от точки исходной, нужно начинать.

Вот Михаил Шатров говорил тут, что он не понимает многих наших ораторов по экономике. Я тоже не понимаю. В чем тут дело? Думаю, что дело в том, что они сами не очень хорошо понимают, о чем мы сейчас будем говорить. Давайте сузим эти задачи до тех пределов, которые всем понятны. Скажем, национальная проблема. Она очень простая и появляется только тогда, когда нет других проблем. Если у человека нет нравственных идей или еще каких-то, или они разбиты, то тогда приходит национализм. И нужно сказать, что, положим, «Память» в прибалтийских республиках ничуть не лучше русской «Памяти». Один и тот же результат. Я думаю, что, может быть, и Президентскому совету, *и Президенту настало время отложить глубоко* принципиальные рассуждения. Нам сейчас нужно выжить. Нам нужно решение нынешнего момента. Из этого чрезвычайного положения нам и нужно сегодня исходить.

Выступление
А. И. КАМШАЛОВА

Кинематограф сегодня развивается очень сложно, противоречиво, и это нас очень тревожит, хотя налицо и определенные позитивные сдвиги. По сравнению с 1985 годом, например, прибыль на предприятиях выросла в 2 раза. Мы переходим к рыночным отношениям, сегодня открываем 8-й уже кинорынок. Да, мы набиваем синяки и шишки, но тем не менее учимся жить в новых рыночных отношениях. В ряде регионов страны образуются альтернативные рынки, которые также дают нам и позитивный, и негативный опыт.

Только за последние 3 года у нас в кинематографе состоялось 300 дебютов. Это значительный шаг вперед. Молодежь пошла в кинематограф, и молодежь *талантливая. И когда Ролан Антонович* Быков провел фестиваль этих дебютов, то выявилось просто огромное количество интересных молодых людей. И это наш плюс.

Свобода, самостоятельность, которые предоставлены кинопредприятиям, киностудиям, безусловно, благо. Но, к сожалению, свободу эту многие наши товарищи, прежде всего художники, студии, восприняли как вседозволенность. Отсюда и отсутствие, порой полное, ответственности у художников, и не только у молодых. Отсюда проистекает проблема, которая не может не волновать,— коммерциализация искусства, которая губит душу, губит нравственное здоровье народа. Поэтому я очень поддерживаю законодательную инициативу Центрального Комитета КПСС, который на недавнем Секретариате ЦК выступил с предложением принять закон о нравственном здоровье населения нашей страны, особенно детей. Это очень важная законодательная инициатива партии. Нужно только быстрее в этом направлении нам всем работать.

Беспокоит дефицит детских фильмов, детской литературы и т. д. *У нас единицы детских драматических* и музыкальных театров в стране. Репертуар у них далеко не детский. У нас самая плохая полиграфическая база детской литературы, особенно учебников для детей. Из 152 тысяч киноустановок на всю огромную страну только 400 обслуживают детские залы, причем эти залы вмещают 200—300 человек. Это не может не беспокоить. Нужна специальная государственная программа развития литературы и искусства для детей. Не просто для детей и подростков, для детей и юношества, а именно для детей, для самых маленьких в первую очередь. Потому что мы можем сегодня потерять это поколение, если вовремя не остановить губительный процесс. И нужна программа не через год, с действием на 10 лет, а нужна она сегодня. Мы готовы принять в этом участие, и было бы полезно, Михаил Сергеевич, если бы какое-то поручение Президента Советского Союза на этот счет было.

Особое беспокойство вызывает разгул видеопиратства. Этот разгул почти узаконен в государственном масштабе. Это не просто какие-то кооператоры. Прежде всего — это 25 тысяч видеозалов в стране, которые выпускают примерно 10—15 тысяч ворованных, не купленных советской стороной видеопрограмм и получают, по самым скромным подсчетам, 10—15 миллиардов рублей в год. Эти средства получают комсомол, профсоюзы, система бытового обслуживания, бары и т. д. А именно 10—15 миллиардов рублей не хватает государству для развития культуры.

В ряде стран мира существуют законы, карающие за распространение видеопиратской продукции. Во Франции это 2 года и 200 тысяч франков штрафа с изъятием всего имущества, которое имеется. В Китае в отдельных провинциях есть смертная казнь. Я не за смертную казнь, но за то, чтобы закон о борьбе с видеопиратством существовал, и проект этого закона нами уже подготовлен, нам представляется, что принятие его было бы оправдано.

Здесь говорили о налогах. Два слова о налогах на видеосалоны и видеозалы. Принято решение— взимать 70 процентов налога. Если 45 процентов со всех предприятий и организаций, то с видеосалонов — 70. Как будто бы этим наносится удар по кооператорам и по теневой экономике. Однако удар наносится прежде всего по государственной видеосети, а кооператоры как обогащаются, так и будут обогащаться, только уйдут в подполье и будут за более дорогую цену оказывать видеоуслуги.

Необходимо, как бы трудно ни было государству, вступить в Венскую конвенцию. Много лет идет об этом разговор. В прошлом и в этом году министр иностранных дел Советского Союза дважды заявлял о том, что мы вступим в Венскую конвенцию. Министерство финансов заявило о том, что 10 миллионов вступительного взноса в валюте у них просто сегодня нет. Вступительный взнос нужен для того, чтобы уже в международном плане на основе существующих законов, нам вместе, коллективно бороться против разгула видеопиратства. Оно наносит не только экономический, но и прежде все*го нравственный ущерб* нашему обществу.

У нас специфическое производство — здесь и творчество, и наука, и производство, и прокат, и киносеть, и промышленность. Но сегодня без необходимого сырья, материалов мы погибнем. На сегодняшний день в 1990 году будет выпущено примерно 400 игровых фильмов, а база устарела. На киностудии «Мосфильм» 87 процентов изношенного оборудования. В тяжелейшем состоянии находятся и студия Горького, и «Союзмультфильм».

Очень плохо с пленкой. Без пленки мы жить не можем. В 1989 году были два постановления правительства по пленке. Нужен миллиард метров цветной пленки. В 1989 году выпустили только 600 миллионов, в 1990 году — 450 миллионов, на 1991 год запланировали 380 миллионов. В 3 раза меньше потребности. Мы завтра должны, значит, сократить тиражи. Нельзя жить без пленки, нельзя жить без сырья, а химическая промышленность не выполняет ни одного решения.

В свое время я попросил Сергея Владимировича Михалкова сделать «Фитиль» по этому поводу. Они сделали, какой-то период возымело действие, нам стали давать чуть-чуть побольше пленки.

Михаил Сергеевич, мы не можем, не умеем зарабатывать деньги, не умеем зарабатывать валюту. Раньше специально предусматривалась сдача серебра, которое получалось из уже отработанной пленки. Но сегодня со слезами мы наблюдаем, что Миннефтехимпром не принимает пленку, Минхим не принимает пленку. Пленку сегодня просто сжигают. Нам предлагают совместные предприятия 30 миллионов валютой в год зарабатывать в бюджет на переработке этой пленки.

Здесь говорили по поводу закона о культуре. У нас готов и проект закона о кинематографии. Желательно было бы поддержать его.

В условиях острых межнациональных отношений в кинематографе не произошло столкновений, может быть, в силу коллективистского способа труда киностудий. Более того, все республики без исключения готовы вместе с нами разработать и подписать союзный договор о сотрудничестве кинематографистов. Это можно сделать в течение нынешнего года, что было бы правильно и полезно.

Парадоксальная ситуация сложилась с образованием. Вот один только пример в связи опять-таки с формированием бюджета 1991 года. Нам выделили пока предварительно 204,7 миллиона рублей. Это в два раза больше, чем было в прошлом году. У нас финансирование всей кинематографии союзного подчинения. Но есть ряд учебных заведений, в частности двухгодичные высшие курсы сценаристов и режиссеров. Все знают о том, что их заканчивали самые лучшие сегодня сценаристы и режиссеры Советского Союза. Их надо сегодня закрывать: ни одной копейки в бюджете на 1991 год не выделено. Ни одной копейки! В прошлом году решением правительства у нас создан Институт повышения квалификации. Десятки тысяч людей проходят там обучение. *Но ни одной копейки мы* на него не получили.

Выступление
М. А. ЗАХАРОВА

Мы пытаемся выйти из неофеодальных структур в сторону процветающего, цивилизованного, развитого экономически государства. По опыту мировому лично знаю, что нельзя жалеть деньги на три приоритета — народное образование, культуру и фундаментальные научные разработки.

Медицину я прилагаю к культуре и к богатству государственному. Когда государство богатеет и люди становятся культурными, они понимают, что популистские лозунги о бесплатных пилюлях, бесплатных клизмах уже не проходят, нужна серьезная индустрия. Это как бы само собой разумеющееся. У нас не развиты кибернетика и вообще информатика. Мы до конца не понимаем роль и воздействие культуры.

А если лучшую профессуру, философов, публицистов насильственно депортировали из страны, оголив культурный по*тенциал, интеллектуальный по*тенциал российского многонационального государства, тогда всплыли и те анархические криминальные элементы, элементы криминального мышления, которые оказали потом на нашу историю такое сильное воздействие. Сейчас мы продолжаем это еще хлебать. Ведь очень многое держалось на страхе. Сейчас страх ушел у людей, и вот оказалось, что нет настоящего, скрепляющего, целенаправленного стержня.

Что думаю о президентской власти? Если я был компетентен в каком-то смысле — на публицистическом уровне, скажем, еще на первом Съезде народных депутатов, как и 80—90 процентов наших депутатов, то сейчас, при переходе к рынку, при анализе шаталинской программы, других построений, я уже не обладаю соответствующими экономическими, правовыми и политическими познаниями, такими серьезными познаниями, чтобы проанализировать, что произошло в Боливии, в чем заслуга Пиночета и на какие мозги он опирался, когда выводил свою полудикую, бурлящую страну в какие-то другие уровни экономического развития. Я не могу спрогнозировать, какое получат развитие идеи Чикагской экономической школы. Здесь я хочу довериться крупным специалистам, лучше всего с международным компьютерным обеспечением, хотя я очень уважаю Шаталина и многих других наших экономистов. Когда говорят, что все это дело депутатов, то мне кажется, что не надо заблуждаться — сейчас депутаты на 80—90 процентов все-таки где-то дилетанты. Есть хорошие люди, и бывают приличные режиссеры, музыканты. Но этот уровень сейчас не годится для того, чтобы принимать фундаментальные и определяющие наше будущее законы.

И вот еще о чем. Не облагаемый налогом один процент на социальные нужды — это очень мало. В развитых странах этот процент гораздо выше. А теперь я скажу, может быть, неприятную вещь. Слова «частная собственность» у нас почти запретные. Вы понимаете, что сейчас руководители крупных предприятий не будут отдавать на Большой театр средства.

Человек будет отдавать средства, если он достигнет уровня, так сказать, Рокфеллера, Бахрушина, Мамонтова, Морозова, т. е. когда он богат, богаче президента, богаче всех артистов, всех «звезд»—самый богатый человек. Вот тогда лично он, сообразуясь с представлениями о боге или о совести, у кого что, будет давать деньги на социальные нужды. А ходить по заводам и говорить: поддержите культуру — я думаю, это в какой-то степени утопия.

Недолго длится время, когда человек пользуется успехом, может процветать и много, прилично зарабатывать. В это время надо давать людям возможность, если они собирают залы, если они пользуются читательским и зрительским вниманием, зарабатывать, как и давать возможность зарабатывать предприятиям наших общественных организаций, Союзу театральных деятелей и не душить театры новыми налогами. Я ничего не прошу. Понимаю, что все идут к Президенту и вообще в правительство. Этот устойчивый рефлекс, наверное, погибнет только после того, как уйдет это поколение, ныне живущее: дай, дай, дай денег, дай денег. Но хотя бы не брать то, что уже есть. Вот эти крохи, так сказать, не убирать, дать возможность коммерциализацию тоже иногда запускать в разумных рамках закона. Есть какие-то формы коммерческой деятельности, которые позволят поддержать симфонические оркестры, финансировать тех художников, которые пишут не на потребу, а создают произведения искусства, которые могут носить фундаментальный характер.

Скажу о проблеме утечки мозгов. Страшно смотреть, как нас покидают сейчас выдающиеся люди.

И вот о театре. Мы не можем свести концы с концами. Театр, артист не могут зарабатывать столько, сколько сейчас обещал председатель Моссовета Гавриил Харитонович Попов пекарям. Я понимаю, это — важная профессия, 500 рублей, наверное, надо им по нынешним временам платить. Но никогда в жизни ни я, ни артисты не будут получать таких денег по тарифной ставке. Ничего просить мы не можем и не хотим, ибо понимаем, как государству тяжело. Мы должны рассчитывать на свои силы, но хорошо бы дальше нас в этом отношении не притеснять.

Я — за сильную власть Президента с неограниченными возможностями на какой-то период жизни. Потому что я убежден, что Советская власть, которая была придумана как структура самоуправления, носила некий популистский характер, немножко партизанский характер. Не хочу никого обидеть из великих людей нашего прошлого, но тем не менее сейчас мы видим, что эта структура самоуправления ведет к какой-то анархии. Меня выбрали — и я после этого вообще никому не подчиняюсь. Поэтому я хотел бы доверить свою судьбу, доверить свои интересы не депутатскому корпусу, который сам представляю, не Советской власти (знаю, что там есть уважаемые и очень умные люди), а Президенту, который, понимая чрезвычайный период нашей истории, я уверен, найдет в себе силы провести нас через этот страшно тяжелый период и этап нашей истории.

Выступление
Ю. В. БОНДАРЕВА

Думаю, что не только наша культура, но и наша экономика находятся сейчас в исторической ловушке. Здесь можно приводить много доказательств, аргументов или просто тех высказываний, которые каждый из нас слышал на улицах, в очередях, в магазинах, в общении с рабочими, с доярками. Есть определенный фон, я бы сказал, социально-нравственного напряжения, которое напоминает натянутую струну, готовую вот-вот оборваться.

Поэтому, может быть, настало время сейчас нам уже не произносить речи в сенате, как произносили во времена Цицерона и Крипса, а действовать. Слово, конечно, это тоже действие. Но это слово должно быть распространено не на нас с вами, и не это слово должно нас возбуждать или соединять, или отвергать друг от друга. Оно должно быть в народе. Почему мы оказались в таком тяжелейшем положении? Потому что разрушили триаду — государственность, народность, веру. Веру я понимаю здесь не однозначно. Это ничего хорошего нашей стране не принесло. Это принесло ряд последовательных разрушений, последствия которых мы сейчас с вами все чувствуем, переживаем.

Пусть простят меня представители нашей печати и средств массовой информации, если в их адрес я скажу то самое главное, о чем думал последние годы. Понятия «демократия», «свобода» и «гласность» восприняты были нами сначала с чрезвычайным энтузиазмом. Затем этот энтузиазм перешел в инертность, а сейчас уже вызывает чувство несколько другое. Порой, Михаил Сергеевич, мне нашу гласность, если говорить о ее односторонности, если говорить о ее ультранаправленности, если говорить о ее разрушительной тенденции, хочется определить так: гласность — это ложь, которая больше похожа на правду, чем сама правда. Наша гласность разрушила прошлое, разрушила фундамент. Дом в воздухе не построишь. Меня долго упрекали за то, что я против разрушения фундамента. Но фундамент — это наша история, это наши истоки, это наша духов*ность, это наша культура,* это наша экономика. Если хотите, только потому, что до сих пор существуют еще такие образования, как совхозы и колхозы, может быть, мы с вами еще не умираем от голода. Это тоже нужно знать. Базируясь на чем-то, что было уже сделано, нужно было двигаться дальше. Мы разрушили то, что мы разрушали — в общем, ту землю, по которой нам нужно было ходить. Мы оторвались от земли. И отсюда произошло все.

Печать, ультрапечать наша, которую я называю так, беззастенчиво и до сих пор уничтожает все то, что держит человека на Земле. Для чего же печать? Для того, чтобы разрушать человека, для того, чтобы разрушать его веру в своих отцов, матерей, братьев, сестер, любовь, во все человеческие чувства, милосердие? Нет! Она существует и дана богом для прямой задачи. Кстати, мне один профессионал сказал: что вы все про печать, про печать. Вы же вызываете пять лет на себя огонь. Я говорю, что я буду вызывать на себя огонь до тех пор, пока что-то не изменится.

Наша печать — это сплошная ненависть к своей земле, к своим людям и к своей стране, на ненависти добро не создашь, не построишь добро.

Я думаю, Михаил Сергеевич, Вы многое можете сделать в Президентском совете, не только Вы, но и наши идеологи, которые тоже находятся, прошу прощения, сейчас в состоянии разрушенном. Я говорю об идеологии веры, человечности, милосердии, о любви друг к другу. Может быть, это и есть наша настоящая идеология, которая и вызовет, и вызывает симпатии на Западе к нам и которая сплачивает нас всех.

Как мы любим произносить слово «революция»... Но что вкладывается в это понятие?

(Продолжение на 3-й стр.)

ВРЕМЯ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ

(Продолжение).

Если полная смена общественной формации, то так и нужно говорить, а не говорить о неофеодализме, о постфеодализме. Говорите прямо: если мы переживаем состояние революции, значит, мы меняем формацию и переходим в другое состояние нашей жизни. Нечего морочить голову друг другу, а нужно сказать точно, чтобы все это знали.

Мне хотелось, чтобы президентская власть была использована с той мерой и достоинством демократии и свободы, которая должна быть присуща нашей России.

Выступление А. А. БЕЛЯЕВА

Мы сейчас переживаем очень сложный период, потому что видим, что унифицированная идеология распалась, ушли многие идеологические догмы и стереотипы. Другие же, доселе царившие как единственно возможные, вынуждены теперь доказывать свое право на существование. В этой сумятице лишь богатства наших недр и сокровищница культуры остались незыблемыми ценностями и непоколебимы для каждого человека. Зияющая пропасть между теорией социализма и горькой практикой его сталинского воплощения в СССР ужаснула людей и поставила под вопрос саму правомерность социализма как течения и практики. Возникают иные сейчас точки зрения на будущее страны и общества. Все громче: «Долой Октябрь, Ленина, КПСС». Возникают различные центры разных реставраций, в том числе монархии. Зашевелился и зарубежный наследник. Появились иные подобные лидеры.

Ко всем им можно было бы, конечно, относиться как к комическим персонажам. Однако надо и серьезно задуматься, развенчивать их потуги. Но накопить надо новые нетривиальные, весомые и понятные аргументы в защиту революции, Ленина, КПСС. Хотелось бы только, чтобы в этой аргументации доминировало новое мышление глобального, планетарного масштаба.

А чем же сейчас мы еще можем увлечь за собой, как не свежей незаемной мыслью, выраженной не лобово? В последнее время мне, например, нравится, что в газете «Правда» стали появляться отдельные публикации, привлекающие к себе внимание свежестью мысли. Но это пока не носит массового характера.

И жизнь требует защиты, и демократическая народная власть требует защиты. И порядок, о котором здесь правильно говорили, по которому мы так истосковались, тоже требует правовой защиты. Для этой цели издан у нас целый ряд законов, но они, увы, не действуют или действуют столь вяло и неубедительно, что возникают сомнения: да есть ли они? Боязнь употребить быстро и решительно власть и приводит к безвластию, разгулу преступности, анархии, росту политической напряженности в обществе. А это прямым образом сказывается негативно на культуре, на культурных процессах. Особенно разрушительно безволие исполнительной власти отражается на ускорении дезинтеграции советской многонациональной культуры. Она все более заметно становится именно многонациональной, но теряется объединяющее значение термина «советская».

Второе. Творческие союзы в том виде, в каком они были созданы Сталиным, очевидно, исчерпали себя. За 5 лет коренных перемен самоорганизации культурных сил не произошло. В отдельных творческих союзах силы четко размежевались по взглядам и повели между собой групповую борьбу. Главная же беда, по-моему, в том, что за 5 лет не выработался четкий позитивный путь развития творческой мысли и организации творческих сил.

И последнее. Мне хотелось остановиться на особом положении культуры на селе. Сельская молодежь остается и до сих пор на положении второго сорта в смысле обеспечения культурой.

Что строят в городах? И чем привлекают молодежь? Танцплощадками, дискотеками, кинотеатрами, диско-барами, видеотеками, разнообразными студиями, театрами и т. д. А в это же время на селе, как и 50 лет назад, тщатся построить 6 тысяч клубов, 500 домов культуры по проектам 50-летней давности. Давайте подумаем: то, что строим мы сейчас, мы строим для XXI века! В XXI веке такие ли клубы и дома культуры будут нужны молодежи и вообще людям с развитием видеотехники, телевидения, новых средств массовой информации? Мы не смотрим вперед даже на 10 лет. Боюсь, что отпущенный миллиард на строительство вот этих домов, который, с моей точки зрения, к счастью, и наполовину, пожалуй, за эти 5 лет не использован, будет пущен просто на ветер.

И я выражу, может быть, спорную мысль, но предложу оставшиеся деньги от этого миллиарда, выделенные агропромом, пустить на нужды культуры другого назначения, может быть, на подъем заработной платы тем, кто работает в этой сфере.

Выступление Г. В. СВИРИДОВА

Прежде, чем сказать что-то на свою профессиональную тему, хотел бы высказать несколько слов по поводу того, что я здесь слышал.

Мне очень нравится декларация за исключением двух пунктов.

Если эта декларация будет широко опубликована, нужно очень деликатно оформить пункт, касающийся льгот и систем оплаты, чтобы не получилось государственного узаконивания некоторых элитарных прослоек, хотя подчеркнуть значение этого труда нужно. Я вообще против того, чтобы кого-то выделять, моя позиция всегда была такой: каждый трудится там, где его поставила жизнь и данное богом призвание. И еще один пункт — об образовании. Для нас, музыкантов, это очень сомнительный момент. В музыке как раз гигантское количество искусствоведов, два факультета, созданных консерваторией, факультет музыковедения.

Горячо приветствую идею создания совета по культуре. Не знаю, нужен ли он при Президенте, во всяком случае это должен быть высокий государственный совет, где должны быть сосредоточены авторитетные люди. Поддерживаю и сам момент защиты прав культуры. Само название декларации говорит о тревожном времени, которое мы переживаем. Действительно, время очень сложное. Перестройку горячо приветствую. Далеко не вся моя жизнь была безоблачно ясной. Мое поколение формировалось просто в ужасное время бесконечных постановлений, преследований, и, конечно, я не испытываю никакой радости, вспоминая об этом.

Но, с другой стороны, знаете — сам себе время человек не выбирает. Во все времена формировались очень яркие люди, и я совсем не поддерживаю точку зрения, которую часто приходится слышать: культура в упадке, ничего не было и т. д. Это — совершеннейшая чепуха! Если взять нашу литературу, советскую и русскую, это грандиознейшее явление. Эпоха, прожитая нами, была тяжелой, но и она не лишена величия, в этом нет никакого сомнения. Сейчас Россия, с моей точки зрения, это — эпицентр мировых событий XX века, и судьба ее трудна.

Теперь несколько слов о музыке. Приходится слышать, что Союз композиторов — организация никуда не годная. Это неправда. Сейчас наша музыка переживает не самый лучший период. За годы перестройки не прибавилось крупных сочинений, уровень сочинительский упал — не знаю, в чем тут дело. Русские композиторы, которых я знаю, как-то не «в активе», мало выступают в прессе. Я в растерянности — ведь работают люди. Какой-то трудный, переходный момент. Устремление музыкального искусства за границу, гигантская реклама наживы через прессу — ужасно. Это не бегство Рахманинова, который бежал, боясь быть убитым, истребленным вместе со всей семьей.

А наша пресса? С помощью средств массовой информации мы возвратились к самому дурному — наклеиванию ярлыков. Делают это некомпетентные люди. Это свобода печати?.. Литераторам легче, они имеют возможность дать сдачи, а музыканты молчат...

М. С. Горбачев: Георгий Васильевич, начиналось с пробы голоса. Перестроечные силы воевали тогда за инакомыслие, за плюрализм мнений. Теперь же кое-кто из тех, кто воевал за демократию, плюрализм, похоже, готов оппонента даже физически уничтожить.

Г. В. Свиридов: Верно. И огорчает еще одна нехорошая тенденция, которую я бы назвал самообливанием. В особенности это касается, к сожалению, русской культуры. Я деятель русской советской культуры, и мне обидно за нее. Ведь это громадная культура. У нас есть два хормейстера крупных — Минин и Чернущенко. Они прожили ужасную жизнь. И Юрлов такой же был талант. Он погиб в 45 лет от третирования, террора среды.

Обидно, что хоровая культура была, к сожалению, в большом загоне. Была в свое время издана «знаменитая» записка Шелепина, по которой все академические хоры упразднили. Вот такой был тяжелый факт. Фундаментом музыкальной культуры является именно культура глубокая, народная, выросшая вместе с русским народом. Вот эту культуру надо всячески поддерживать, и сейчас мы имеем для этого возможности. Хоровая культура стихийно сама начала возрождаться. Многое здесь может сделать церковь, потому что музыкальное воспитание каждого народа начинается с хорового воспитания и в школе, и в храме, и, наконец, в жизни. В Соединенных Штатах, например, более 35 тысяч хоровых самодеятельных коллективов, из них 20 тысяч примерно поют на профессиональном уровне. У немцев — 30 тысяч хоров.

Теперь о руководстве нашим искусством. Все-таки нужен порядок, государственный порядок. Искусство не может существовать только на меценатстве, хотя нужны и спонсоры, и меценаты из-за границы.

Что нам нужно сейчас? Союз композиторов должен быть творческой организацией, заниматься главным образом качеством сочинительской работы, которая является центром дела. Нужно разделить четко, как мне кажется, функции министерства союзного и РСФСР и порядок навести.

Вопрос музыкального образования — серьезнейший вопрос. Мало у нас людей из российской провинции. Почему? Беседуя с людьми, узнал о такой причине: глубинка живет в нужде, потому идет на производство, а музыкой занимаются те, у кого московская, ленинградская прописка. Музыка становится часто семейной профессией в столицах, работают прямо целыми семьями. А из российских областей — единицы. Надо заниматься этим делом серьезно.

Выступление Ч. Т. АЙТМАТОВА

Писатель выразил признательность Президенту за возможность собраться в Кремле носителям современной культуры.

Эта встреча особенно важна еще и потому, что творческие союзы постепенно утрачивают свою концентрирующую, собирательную роль — видимо, таков знак времени. Если мы не будем общаться и тем более не обмениваться раздумьями, то это будет для каждого утратой, а не обретением.

Дело в том, что мы живем в сложное, тревожное, на грани спокойствия время. В своем историческом бытие мы как-то незаметно передвинулись в нынешнюю ситуацию и теперь обнаруживаем, что смута угрожает культуре, существованию всего нашего многонационального государства и общества в целом. Поддерживаю многие выступления, например, и Бондарева, и Шатрова, когда они, казалось бы, с разных позиций пытаются осмыслить наше сегодняшнее состояние, но, в конечном счете, думают об одном и том же, болеют за одно и то же и отчаянно ищут пути, чтобы как-то спасти и культуру, и человека, и все достояние, которое у нас за плечами. Мне думается, что сейчас одна из наиважнейших, первейших задач состоит в том, чтобы сохранить многонациональное единство, общесоюзное единство нашей страны.

Дело не в том, как мы будем называть наше единство, а в том, чтобы оно было действительно сохранено на благо всех национальных культур для всех нас, для наших детей и внуков.

Я часто думаю наедине и с друзьями о том, что происходит в стране, как дальше быть, что будет с нашей культурой, литературой, искусством. И с соседями в Переделкино — встретимся хотя бы на минуту с Сергеем Павловичем Залыгиным, с ходу начинаем разговор об этом.

Должен сказать, что годы перестройки очень многое нам дали, раскрыли, казалось бы, наш потенциал, но настолько сложна оказалась реальная политическая ситуация, что ничего крупного в сочинениях наших мы не выдали. Можем ли мы сказать по поводу литературы, театра и кино: вот это наша заслуга, наше обретение, прозрение. Не можем! Мы все сейчас захвачены предчувствием какого-то нового возрождения, а это возрождение с каждым днем становится все труднее по той причине, что идет разрушение самой структуры государства, той исторической среды, в которой мы возникли как деятели, как представители культуры. Так вот, я хочу вернуться к тому, что меня больше всего тревожит. Мне не понятно, откуда идет эта неистребимая, все нарастающая тенденция к разъединению, особенно это касается Российской Федерации и России как таковой.

Я могу понять и оправдать прибалтийские республики, когда они пытаются возродиться и установиться в свой более цельный национальный орган. Но Россия не может быть больше, чем она есть, Россия есть Россия: нас всех собирающая, основополагающая сила, наше основание. Мы вместе с вами возникли в эти сложнейшие, труднейшие годы. Вся история, о которой мы теперь говорим как о трагедии — да это так,— но ведь и эта трагедия — тоже пережита нами. И теперь, когда Россия пытается отгородиться от других, обособиться и быть только Россией и ничем другим, тем самым наносится вред. Я имею в виду не вас лично, а идеологов новой русской идеи.

Русская идея должна быть. Она должна быть национальной и в то же время универсальной — вот что подсказывают нам наше прошлое и настоящее. Я думаю, что российская культура, Россия как таковая не должна столь резко, необратимо отворачиваться от того, что было вместе с ней все эти годы, на всем этом историческом этапе.

Национальный суверенитет становится сейчас притчей во языцех. Да, он должен восторжествовать, должен иметь свои разумные формы, какие-то обретения — это безусловно. Но, думается мне, что и здесь должны быть критерии, свой предел разумности. Подобно тому, как существует понятие субконтинента, я бы сказал, что должно быть понятие субсуверенности. Не может быть абсолютной суверенности в том историческом организме, в котором мы есть сейчас, когда все ратуют, все буквально упиваются пред освещением абсолютного суверенитета. Абсолютный суверенитет означает полное разделение всего и вся: определение границ, установление дипломатических отношений, своя экономика, своя денежная система, своя дипломатия и т. д. Это, мне кажется, ненужное и неразумное стремление, не вижу в этом какого-то в историческом смысле плодоносного явления.

Я хотел бы обратиться к своим товарищам, своим собратьям по искусству, чтобы мы как-то обдумали это, осмыслили, чтобы Россия все-таки оставалась организующим, привлекающим к себе центром, а не отторгающимся от всех и вся. Испытывая озабоченность о культуре как таковой, мы должны видеть ее двуединство, ибо действительно национальная культура не может быть самоцелью, совершенно обособленной, культура всегда должна быть и универсальной. Необходимо видеть, что культура национальная в то же время является и универсальной материей для всех окружающих, всего человечества. Исходя из этого, мне думается, мы должны обратиться ко всей творческой интеллигенции страны.

Может, это будет обращение, может быть, это будет декларация о том, как мы понимаем новую реформацию нашей страны, новые союзнические, новые федеративные отношения. Документ должен объединить всех нас в этом движении, в установлении, разработке новых федеративных отношений, в стремлении сохранить культуру, советскую культуру как наше общее достояние. Если бы мы проявили такую инициативу, она бы нашла поддержку в самых разных наших регионах.

Мне хотелось бы видеть Россию как силу непротивопоставления ее целям. Мне непонятно, например, когда спрашивают, где Россия была до сих пор и почему вдруг она только сейчас возникла. Да она всегда была! Центр — это и есть Россия, товарищи. И на платформе России должны быть и центр, и все остальное окружающее. А сейчас получается такая картина: Россия сама по себе, а центр — это нечто воздушное. Россия должна взять на себя функции центра, структуру центра, и тогда мы сможем вместе опять объединиться и быть, чувствовать свое общество, чувствовать, что мы связаны друг с другом. А пока получается такая картина: плывет корабль, у него течь и вместо того, чтобы устранить опасность, новые паруса поставить, новый флаг, поскольку новый курс, мы все садимся на свои лодки, и каждый стремится быстрее отгребать в сторону.

Творческая интеллигенция должна в этот ответственнейший период в истории нашего Отечества думать о нашем Отечестве как о едином целом. Поэтому я высказываюсь за обращение к творческой интеллигенции в связи с предстоящим новым Союзным договором.

Далее хотелось бы остановиться на сложнейшем вопросе, с которым мы уже столкнулись, можно сказать, лицом к лицу. Это — рынок и культура. В общем-то, это, если строго подойти,— вещи взаимоисключающие. Когда идет речь об интересах рынка, то все остальное уже значения не имеет. Рынок в этом смысле беспощаден, но в то же время он является и тем экономическим рычагом, с помощью которого мы хотим возродить нашу страну. Рынок неизбежен, о нем сейчас много говорится. И парламент наш, и Президент объяты этой думой, тревогой, поисками.

Но культура — это та конечная цель любой власти, народа, общества, страны, в которой находят выражение созидательные, творческие силы той исторической среды, которая существует. Культура не может процветать, развиваться на чисто рыночной почве — это исключается. Поэтому, если мы думаем об отечественной культуре, то должны — я обращаюсь к нашему Президенту — найти пути, способы, реформы, дотации содержания культуры как таковой. Может быть, это будут отчисления от всех общих налогов, какой-то небольшой процент — не знаю. И должен быть фонд культуры. Надеяться только на пожертвования, на какие-то дотации чисто добровольного характера, мне кажется, нельзя. Их нужно использовать, но это ненадежно, а надежный путь — отчисление от общего налога всей страны, всех производств, всего труда.

Я поддерживаю выступления, в которых была высказана большая тревога, предощущение страха, предощущение смуты. Да, такова история, живая действительность. Одно дело — наши идеи, представления: перестройку мы начинали с пламенем душевным, приветствовали ее и поддерживаем, но настал период, когда демократия нуждается в защите, порядке, во власти и законе. Пока что не вижу другой формы проявления этой силы, силы созидательной, не карающей бессмысленно, но силы, которая удерживала бы все эти нарастающие разрушительные процессы. Поэтому, я думаю, Президент должен на это иметь все полномочия. Он их имеет, но их надо применять. Уверен, что тут Президента поймут, поддержат и одобрят.

Выступление К. Ю. ЛАВРОВА

Постараюсь быть кратким, потому что с очень многим, о чем сегодня здесь сказано, я абсолютно согласен, повторяться уже не хочется.

Самое главное, что меня больше всего тревожит, гложет все время — это прогрессирующее, как мне кажется, падение культурного уровня наций, культурного уровня населения нашей страны.

Вероятно, много есть тому причин, но вот недавно я, гуляя по Ленинграду, проходя по таким нетуристическим тропам, вдруг увидел потрясающий маленький флигелек, построенный явно где-то в первой четверти, в середине прошлого столетия. Разбитый, разрушенный, исписанный неприличными надписями, дождь течет, крыша сломана. Подхожу и читаю: «Охраняется государством». Бывшие казармы, конюшни гренадерского полка... А вокруг этого домика бегают мальчишки. Так вот мальчишки, насмотревшись на все это, войдя в лифт, пишут те же самые надписи на стенках, бьют фонари, теряют всякое чувство уважения и национальной гордости к своему народу, к себе, к своим родителям.

Страшные факты, говорящие о падении нравственности, мы знаем. Мне кажется, что те, кто довел состояние нашей нравственности до такого уровня, уже не перевоспитуемы, они уже потеряли внутреннюю, духовную, творческую необходимость каких-то изменений и считают, что это все — нормально.

Но если мы хотим, чтобы существовала хотя бы какая-то перспектива восстановления, подъема духовности, нравственности нашего общества, то надо начинать с малышей, которые сейчас подрастают. В чьих они руках? Они в руках педагогов, будущих университетских программ. Значит, с этого звена, наверное, и надо начинать, чтобы иметь слабую надежду хотя бы через поколение, через два все-таки что-то изменить.

Вспоминаю, на скольких заседаниях я уже был, сколько призывов слышал, что напрашивается сравнение фундаментальных наук и прикладных. Забывая часто про фундаментальные науки, мы начинаем высказывать свою боль, свое горе, свои проблемы, и я не могу от этого отойти, поскольку такова уж у нас система. Но в смысле фундаментализма мне очень близка позиция Д. С. Лихачева, которого я глубочайшим образом уважаю и разделяю его мысли глобального порядка. Поддерживаю идею декларации, которую выдвинул Дмитрий Сергеевич, убежден, что это необходимо. Мы на своем комитете с Чингизом Торекуловичем в свое время выдвигали вопрос о том, чтобы сделать первым заместителем Председателя Совета Министров — первым заместителем по культуре, но это дело не прошло...

М. С. Горбачев: А я вспоминаю, сколько всем нам понадобилось усилий — члены Верховного Совета помнят,— чтобы вообще доказать, что нужны министр культуры и министерство союзное. Вот вместо диалектики национального и интернационального, которая вообще реальна, действительна, бросаемся в крайности. Наша страна чем отличается — сколько народов на этой земле живет, и каждый народ со своим языком, письменностью, литературой, укладом жизни, наконец. И когда говорили: слить нации и все! Это было не только антигуманной — антинациональной, вообще говоря, антинародной идеей. Теперь, убирая все деформации, мы не должны идти к национальной замкнутости, автаркии, изоляции. Это же гибельно вообще для любого народа и для любой культуры.

К. Ю. Лавров: Вопрос о том, что культура какой-то отдельной народности или нации может существовать отдельно, замкнуто, в отрыве от мирового культурного процесса, — это фикция. Этого быть не может! И я должен, к чести театральных деятелей нашей страны, сказать о том, что они это понимают. И в нашем союзе пока что (тьфу, тьфу, чтобы не сглазить, как говорят) раскола нет. Вышла Литва из нашего союза, но сейчас, когда мы организовали нашу деятельность на договорных основах, Литва первая пришла к нам и заключила договор.

У нас теперь такая структура, что каждая республика участвует в тех мероприятиях, которые считает нужными, мы не навязываем ничего. Хотите в этом участвовать? Хотим. Стоит это вот столько-то. И у нас хорошие, добрые отношения со всеми республиками, никакой конфронтации в этом смысле нет.

Я всячески приветствую создание при Президенте, при Президентском совете органа людей, которые понимают в искусстве, которые озабочены общим состоянием культуры, нравственности, духовности искусства, которые должны намечать и осуществлять фундаментальную программу выхода каким-то образом из того страшного положения, в котором мы сейчас находимся. Конечно, это должен быть авторитетный орган не только по своему составу, но и по тому влиянию, которое он может оказывать на нашу текущую жизнь.

А как мы пробиваем каждую копейку! Понимаем, не может государство много давать на культуру: дефицит бюджета, масса других проблем. Но не отнимайте у нас хотя бы то, что сами зарабатываем! Не душите нас налогами, тогда мы сами будем иметь какую-то возможность что-то делать для развития культуры в нашей стране. Нет, все равно каждый раз бой такой кровопролитный, что просто иногда опускаются руки и не хочется больше в это дело ввязываться.

Еще одна проблема — отток из нашего общества умов и талантов. На этот вопрос нельзя махнуть рукой. Не могу согласиться с теми, кто считает, что, дескать, уехал, ну и бог с ним. Конечно, уезжает среди этого потока много пены, и пусть уезжает, вот их не жалко. Но сколько же вместе с тем и светлых голов! Это обескровливание нации. Значит, вероятно, как-то надо тоже учитывать эту проблему. Слава богу, у нас в драматических театрах пока не бегут: языка не знают. Драматический театр вообще до такой степени национальный, на корнях, на традициях народных, что только тут и может существовать. А играть можно где угодно. Поэтому нас в театре эта проблема не очень беспокоит.

Беспокоит другое. В свое время, где-то в 20-е годы, Москва была театральной Меккой мира, одной из театральных столиц. Наряду с Парижем, Лондоном Москва имела необычайно высокий творческий авторитет в мировых театральных кругах. Мы очень хотим возродить этот авторитет, который долгие годы постепенно уничтожался, и в результате мы пришли к довольно грустной картине.

Многие города мира, крупные и не очень крупные, имеют свои постоянно действующие международные театральные фестивали. Туда съезжается все лучшее, что есть в мировой театральной практике. Это и огромная школа, и возможность общения театральных деятелей между собой. И, если помните, Михаил Сергеевич, Вы были у нас на учредительном съезде в 1986 году, в декабре, мы тогда приняли решение об организации в Москве постоянного Международного театрального фестиваля имени А. П. Чехова. Считаем, что стране, которая имеет Гоголя, Чехова — не буду сейчас всех перечислять,— необходим такой театральный фестиваль. В 1991 году вместе с Министерством культуры СССР мы собираемся провести такой первый фестиваль. Уже сейчас составили список приглашенных. Величайшие фигуры мирового театра уже дали свое согласие. Интерес к советскому театру необычайно высок в мире, и поэтому они очень заинтересованы в нашем сотрудничестве. Питер Брук и Питер Штайн, например, дали согласие на приезд в Советский Союз.

В этой связи я предлагаю, чтобы Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза выступил одним из спонсоров этого фестиваля — говорю серьезно. Мне кажется, это была бы очень весомая акция, поддержавшая репутацию Коммунистической партии Советского Союза.

Выступление В. Г. РАСПУТИНА

Образное выражение Д. С. Лихачева о птице-культуре, выпущенной из клетки, которая потеряла силы и разучилась добывать себе корм, можно продолжить: и гнезда для нее не осталось, просто все гнезда заняты тем, что уже не называется культурой. Культура же — почти антикультура. Появились в музыке агрессивные звуки, а в живописи — агрессивные образы. Появились в литературе агрессивные слова и агрессивные сюжеты, агрессивные положительные герои и так далее.

Это уже далеко не культура. И когда мы думаем о том, что стало с нашим обществом, всякий раз говорим, что приоритет культуры должен быть поднят. Действительно, это должно быть главным, той печкой, от которой следует плясать и в политике, и в экономике, и в нравственности, буквально во всем. Все наши беды идут от культуры, вернее, от нашего бескультурья.

Нет, персональная культура у нас блестящая, можно сказать, она была блестящей все последнее десятилетие, и сейчас остается на месте. Низовая культура, бытовая культура — они находятся просто в ужасном положении. И мы имеем то, что сейчас происходит на улицах, в хозяйстве нашем, в наших душах.

Много было поставлено проблем. Правильно то, что предлагает Дмитрий Сергеевич. Декларация давно назрела. Закон о защите культуры нужен. Но одновременно с этим нужен закон в защиту нравственности, потому что эти вещи неразделимы совершенно. Культура всегда должна быть нравственной. Государственной культуры не бывает, это что-то другое, как-то по-другому называется. А культуре грозит — какие бы ассигнования сейчас ни давали — болезнь, которая хуже любой чумы, болезнь безнравственности. Остатки комсомола — они сейчас ничем другим не занимаются, как только развлекательством молодежи. Сейчас к этому перешли и профсоюзы для того, чтобы заработать деньги. 25 тысяч видеозалов — я думаю, что это не все еще подсчитано, сколько их подпольных, где самая грязь показывается.

Я вчера посмотрел телепередачу двух наших министров культуры и понял, что они собираются за это браться. Дальше разлагать молодежь просто уже нельзя. Хотя бы потому, что мы от нее отступились, молодежь у нас вообще бесхозная. Комитет Верховного Совета не в состоянии заняться молодежью. Нами она брошена, а кем-то подбирается. Приезжают «миссионеры», которые учат молодежь не только деловым качествам, но и много чему такому, что не требуется. Тут опасность действительно может быть для нас.

Многие говорили об издании литературы для молодежи. Нужна государственная программа о литературе для молодежи и детей, она просто необходима. Сергей Владимирович Михалков рассказывал о детской литературе, о малышне. Я тоже этим занимался. Детская книга сейчас находится в страшном положении. Во-первых, потому что она дешева. Во-вторых, потому что не доходит до книжных прилавков, она перекупается и тут же, в этих магазинах, выставляется в 5, 6, 7, 8, 9, 10 раз дороже. Поэтому нужно давать возможность той же «Детской литературе» и «Малышу» часть книг продавать по договорным ценам, а часть книг отдавать им, чтобы они сами распоряжались и выходили из положения. А потом самое главное, очевидно, что государственный заказ для детской литературы, для литературы для молодежи должен быть 100-процентным, и необходимо следить за тем, чтобы бумага поступала. И конечно, льготное налогообложение. Нельзя с детской книги брать такие же деньги, как, например, с кооперативов. Программа благоприятствования детской книге просто необходима.

Еще, наверное, необходим закон о нравственности. Говорить сейчас о цензуре — раньше бы это называлось «нравственная цензура» — как-то неприлично. Может быть, нравственная требовательность? Сейчас фильмы без этой самой «порнухи» уже и выпускать-то считается дурным тоном! На страницах «Советской культуры» — огромный разворот — рассуждают: что порнография, а что нет, что позволительно в искусстве, а что непозволительно. Да я с высшим образованием, а не пойму, где порнография, где эротика, а где безобразие. И никто из нас, по-моему, этого не понимает! Никто не понимает, а они берутся рассуждать и берутся давать рекомендации, что в искусстве можно давать, до каких пор, а до каких пор давать нельзя.

У нас ведь есть еще закон о порнографии, но он, видите ли, с такими «довесками», что если попытаться применить этот закон, ничего бы просто не получилось.

Разрушение нравственности, разрушение культуры — очень серьезно, и браться за это дело нужно, как бы ни тяжело было.

И все-таки, самое главное сейчас — выжить, выстоять. Мы должны разобраться во всем, что происходит. У нас отняли инициативу, ее перехватили вовсе не интеллигенты, а полуинтеллигенты. Даже хуже того — не перехватили, отстранили нас, а мы теперь... вынуждены приходить к согласию.

А пресса подчас не ориентируется в обстановке, не чувствует духа времени. Хватит разрушать, хватит заниматься «чернухой»! Наступил момент, когда переелись такой правдой. Да что там говорить о правде, когда столько неправды, выдумок, столько грязи, лжи, ненависти вообще к этой стране выливается на страницах наших газет! Не то что читать, иной раз подальше куда-нибудь сбежать просто хочется, и все.

Есть люди, которые еще прислушиваются к нам, не всех людей мы потеряли. Если бы мы сказали о положении в стране во весь голос, сказали о том, что мы поддерживаем Президента и что мы не спасем страны без должного порядка. Ведь речь идет о спасении перестройки и страны, о спасении России в том числе. Вот дело, ради которого мы не напрасно собрались.

Выступление Д. ХУДОНАЗАРОВА

Начну со слов В. Г. Распутина, который призвал всех художников отмести частные разногласия, осознать свое место, ответственность, положение в стране, своими действиями цементировать, стягивать и противостоять разрушению.

Мне представляется, что все это необходимо делать в рамках становления правового государства, гражданского общества, мы не можем без согласия различных общественных структур добиться этого согласия. Сколько раз мы констатировали плачевное состояние нашей культуры, начиная с первого выступления Лихачева на 1-м Съезде народных депутатов СССР, и до этого было много сказано, в течение почти двух лет говорим о нашем катастрофическом положении.

Думаю, что говорить о нашем положении больше неприлично. Мы должны приступить к поэтапной реализации разрешения всех проблем. В процессе сегодняшнего разговора необходимо создать консультативный совет при Президенте. Этот совет мог бы стать тем самым механизмом, который регулировал бы взаимоотношения различных общественных и государственных структур. Мне представляется, что это должно быть на горизонтальном уровне, никаких подчинений верхов и низов. В рамках этого совета мог бы формироваться весь очень сложный спектр разрешения наших проблем. Думать, что одним президентским указом можно было разрешить наши проблемы,— легкомысленно, ибо жизнь показывает, что нет условий для того, чтобы указы Президента незамедлительно выполнялись.

Это объективный фактор, и с ним мы должны считаться. Поэтому в рамках консультативного комитета, совета при Президенте, наверное, могли бы работать различные временные комиссии, которые проводили бы экспертизы на различных уровнях с учетом анализа и прогнозирования, что будет с тем или иным нашим актом и какова нужна общественная поддержка.

Я снова возвращаюсь к тому, что говорил В. Г. Распутин о том, что мы могли бы во многом оказать широкую поддержку в реализации будущих указов Президента, и это не только связано с разрешением проблем культуры, но в целом стабилизации положения в стране. Мне кажется, что мы могли бы выработать политику — какова будет государственная программа в области культуры и каковы будут взаимоотношения общего подхода на уровне всей страны и составных его частей, потому что на переходный период мы должны иметь свою четкую концепцию в отношении спасения и национальных культур, потому что они все взаимосвязаны. Каждый вопрос должен разрешаться на конкретном уровне.

У нас должна быть реакция и на рынок. Культурная политика не может быть однажды принята и законсервирована, она должна все время изменяться в зависимости от того, что будет подсказывать реальная жизнь.

Важно установить правовые отношения художников с государством, общественно-производственными структурами, гражданами, ибо сколько бы мы ни говорили, а улучшить положение художника можно только таким образом. Это — мировая практика во всех странах, и тогда мы не будем ходить с протянутой рукой. В центре этой программы, как представляется,— авторские права. То, что Александр Иванович здесь говорил о подписании венской конвенции, я думаю, нам чрезвычайно необходимо форсировать. Мы очень часто, думая сэкономить эти 10 миллионов, теряем значительно больше, ибо международное сообщество и международное право не защищает наши интересы за пределами нашей страны. Необходимы экспертиза и анализ.

Тут очень много говорилось и о законе о защите нравственности. Но ведь и закон о защите нравственности связан снова с этими же авторскими правами, с праворегулированием взаимоотношений художника с обществом. Думаю, что обособленно рассматривать, решать эти проблемы нельзя, только в комплексе. Чрезвычайно важно, как общество будет реагировать на реализацию положений будущего закона в защиту нравственности. В Америке — вот совсем недавний факт — известный кинорежиссер снял картину, и эта картина от общества получила низкий рейтинг, на который моментально отреагировала компания, снимавшая картину. Компания отмежевывается от этого режиссера, потому что она сразу в глазах общественности теряет собственное лицо. Вот насколько важна защита нашей нравственности, защита нашей культуры и все, что с ней связано.

И снова возвращаюсь к тому, каким будет этот консультативный совет. У Дмитрия Сергеевича в «Декларации прав защиты культуры», на мой взгляд, очень серьезный 5-й пункт, где поднимается вопрос о том, что национальные ценности в совокупности — это и музейные объекты, книги, архивные материалы. Меня как руководителя творческого Союза кинематографистов беспокоит состояние фильмов. Они находятся в ужасающем состоянии, очень многие фильмы погибли, в том числе документальные, погибли фильмы 20-х, 30-х, 40-х годов. И поэтому естественно, что не министерство, не дирекция кинохранилищ должны решать их судьбу. Я целиком и полностью поддерживаю эту декларацию и особенно разделяю боль, связанную с сохранением нашего наследия.

Присоединяюсь: все, что было сказано о налоге, о материально-техническом положении культуры, и в частности кинематографа, и все, что связано с нашими взаимоотношениями с зарубежными странами. Например, проблема Аэрофлота. Билеты на валюту означают невозможность принять гостей. Если мы не разрешим эту проблему, оборвутся все культурные связи с зарубежными странами и с зарубежными деятелями культуры.

Выступление Б. С. УГАРОВА

В нынешнем состоянии нашей страны и общества мы все-таки должны помнить о таких понятиях, как Родина и патриотизм, и с этой точки зрения соотносить все, что делаем и что говорим. Это очень важно, потому что деградация общества идет не только от нашего экономического состояния, а больше всего от того, что у нас получились разрывы в понятии идеологии и культуры. Вот это, мне кажется, у нас самое больное место, причем в пылу споров, определения позиций, какого-то неприятия мы, бывает, забываем, что перед нами народ, который нас читает, смотрит и которому мы отдаем свое творчество и свою энергию. И что бы мы ни делали, понятие Родина и народ — вот это и есть наша нравственная опора.

Сейчас стали рвать кровеносные сосуды этого понятия. Это очень страшно, потому что есть понятие социалистическая культура, советская культура, есть понятие советский человек, и мы от этого не должны ни в коей мере отказываться, куда бы мы сейчас ни шли, к какой бы цели ни приближались, потому что это понятие есть во всем мире. Оно четко вложилось в понятие мировой культуры и мирового сообщества.

Когда мы пришли с войны, то учились вместе с ребятами из всех республик. До сих пор у нас, работников культуры, нет понятия чисто национального, нет неприятия друг друга. Мы делали общее дело, а вот сейчас каждая республика считает себя

(Окончание на 4-й стр.)

ВРЕМЯ СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ

(Окончание).

государством. Не знаю, как в других творческих союзах, но среди художников сплоченность по отношению к состоянию культуры еще больше усиливается. И этим людям надо помочь, культуре надо помочь. Я бы прямо поставил вопрос: мы всегда на каком-то остаточном минимуме находимся, и для поднятия культуры дайте нам простую вещь: на пять лет освободите от налогов. Мы хотя бы сами себя подымем. Понимаете, это уже будет государственная политика по отношению к состоянию культуры.

Меня очень беспокоит молодежь. Мы учились для того, чтобы войти в жизнь и помочь этой жизни. Патриотизм, который вошел в нашу кровь, дал возможность жить с какой-то надеждой. А у нынешней молодежи такое состояние, что она не знает, для чего существует. И в этом — наша вина, вина отцов. Мы не смогли сохранить в них эту надежду.

Что меня еще беспокоит? Вопрос гуманизации науки. Дмитрий Сергеевич очень четко акцентировал вопрос о состоянии именно гуманистического отношения ко всему, в том числе и к науке. Есть пример Франции *с ее институтом академии. Я не* понимаю, почему Академия наук выше Академии медицинских наук, где люди борются, чтобы преодолеть рак. А есть люди, которые изобретают какие-то новые вещи. И не может быть науки первого и второго сорта, в том числе и искусства. Вот этот принцип создания института академии даст возможность создать *и академию пластических искусств*, и академию литературы и музыки и т. д. Это будет единый организм, который поможет и правительству, и Президенту, и всем Советам.

Хочется еще раз повторить, сказал в заключение художник, что от нас во многом зависит судьба сегодняшнего дня и мы прежде всего должны думать о *Родине и о народе.*

Выступление Ю. Б. СОЛОВЬЕВА

Мне очень близко выступление Кирилла Юрьевича Лаврова. Думаю, наша бедность как и нравственно, так и экономиче*ски в значительной степени* связана с очень низким культурным уровнем народа. К сожалению, мы сделали все, чтобы этот уровень был низким. Совершенно прав Дмитрий Сергеевич, который говорит, что культура труда (я добавлю: и культура быта) в значительной степени определяется теми вещами, которые окружают человека. *На протяжении 70 лет мы* выпускали уродливые изделия, которые испортили художественный вкус населения. И если я сегодня говорю рабочему: «Сделай красивую вещь», он не понимает, о чем я говорю. Он думает о том что в конце концов надо сделать надежную вещь, но красивую — зачем?

Я вчера знакомился с работой наших мастерских имени Грабаря. Там работают великолепные специалисты. Но вы бы посмотрели, как спокойно они взирают на то, что рабочие ведут проводку по великолепной архитектуре Щусева, церковной архитектуре.

Я не видел ни одного помещения — от рабочего места станочника до рабочего кабинета министра, — которое воспитывало бы художественный вкус. И когда я говорю с министром, с инженером о том, что надо делать удобную вещь, *он меня не понимает. Мы пере*живаем тяжелое время, а я с ужасом думаю, что, когда это время пройдет, мы по-прежнему будем выпускать на экспорт продукцию, над которой будут смеяться на Западе. Ведь там совсем по-другому. Там стараются делать удобные и красивые вещи, и для этого у них есть художественная культура, *которая воспитана с молоком* матери. А мы этого не делаем и не воспитываем детей. А ведь художественное воспитание начинается с чашки, которую впервые видит ребенок, с игрушки... На Западе это поняли и начинают воспитание с художественного воспитания в школе. У нас их мало. Там воспитывают специалистов-дизайнеров, *у нас их нет. И когда мы* после вот этого трудного момента захотим что-то продавать, выяснится, что продукция наша неконкурентоспособна.

XX век мы уже потеряли, потому что воспитать художественный вкус уже не успеем за эти годы. Для того чтобы воспитать дизайнеров, которых у нас нет, нужно минимум десять лет. Надо думать о XXI веке и начинать нужно сегодня с дошкольного воспитания, растить тех культурных людей, которые, как только мы пройдем все трудные моменты, в XXI веке спасут нашу страну.

Выступление Ю. В. НИКУЛИНА

Я очень волновался, когда шел сюда, а еще больше стал волноваться, когда слушал выступающих. Я не собирался выступать, но меня все это взволновало, и даже до страха. У меня вчера был шок вечером, когда я увидел в передаче «Время» десятки тысяч вагонов, эшелонов, стоящих *на границе, полных импорт*ных товаров, которые месяцами до нас не доходят. И я подумал: боже мой, что же творится!

Я радовался раньше: вот придет гласность, мы все будем знать, а человеку важны знания. Так вот — есть гласность, которую, наверное, не надо показывать. Зачем этот сюжет показали по телевидению? Мы что, поможем этому? Вот я — директор цирка, что, *я пойду разгружать* вагоны? Пускай предоставят какие-то данные правительству, депутатам Верховного Совета, пусть они читают и думают. А мы только пугаемся. Сейчас все журналы, словно сговорились, кто кого больше напугает. Придумывают страшные вещи, мистика пошла.

М. С. Горбачев: Юрий Влади*мирович, сейчас конец подписки,* вот и стараются.

Конечно, самое лучшее выступление было у Кирилла Лаврова, подчеркнул далее оратор. Он правильно сказал: ну отчего все видят только плохое, начиная с этих вагонов? От бескультурья нашего, от необразованности. Ведь не воспитана в нас доброта. Кстати, недавно меня один *ленинградец спрашивает, как я* отношусь к программе «500 дней». Здорово, отвечаю, это же не 900 дней!

Каждый кулик свое болото либо хвалит, *либо плачет по нему.* Я хочу сказать о том искусстве, которое некоторые считают самым последним, и всегда говорят — театр, кино, живопись, а про цирк не пишут. Но цирк — это искусство: массовое, народное. У нас творится ужас что. Ушли из нашей системы, как только открылись кооперативы, тысячи лучших артистов. Летят в кооперативы, как бабочки на огонь, и стремятся туда, за рубеж, в Америку, Бим-Бом там сидел, его покупали по частям...

Теперь республики стали самостоятельными, решили прибрать к рукам и цирки. Цирк — наш, что хотим, то и делаем. По 10 рублей билеты!

Цирк падает, цирк загнивает. У нас средний заработок артиста *180—190 рублей.* А ведь люди рискуют каждый день. По тридцать выступлений в месяц, в каком еще театре есть такая норма! И рискуют жизнью! Для меня это было потрясением.

С 1 октября наш цирк первым переходит на аренду. С каким трудом ушли! Сколько было шуму, гаму! Спасибо Министерству культуры, что поддержало!

Для меня это будет праздник! Нас третьего октября уже регистрирует исполком. Мы теперь будем иметь право сами устанавливать оклады. И людей у меня *будет меньше работать, но это* будут те, кто нам действительно нужен. Мы будем знать, что все это наше, и работать с соответствующей отдачей.

Я верю в наше совещание, верю в Вас, Михаил Сергеевич, в то, что что-то изменится. И не надо завидовать немцам, что у них 300 тысяч хоров. Вот когда у нас будет все хорошо, когда *мы будем одеты и сыты,* знаете, как запоют все!

Михаил Сергеевич, у Вас есть президентские полномочия. Помогите нам! Поможете культуре *— и будут Вас помнить наши* внуки и правнуки.

Выступление М. А. УЛЬЯНОВА

Я внимательно слушал выдающихся людей нашей культуры, прекрасно знающих, что происходит у нас, говорящих много замечательных и абсолютно верных вещей, но я думаю, что сейчас сложнее говорить о другом: как не допустить общей крови? Культура одна с этим не справится, *но без культуры этого не* сделать. Думаю, сейчас надо говорить о том, чтобы не допустить голодного бунта. Это грядет. Это в душе как проклятие шевелится. Мы ставим здесь какие-то планки: если культура будет освобождена от налогов, за что я двумя руками, то сразу все решится. Нет, дорогие соотечественники, дело не только в этом. *Я думаю, прежде чем говорить о* культуре, надо приложить все силы, чтобы к капитанскому мостику не прорвались экстремисты, сильные личности с твердыми кулаками и с напором. Нам это надо решить прежде всего и в этом оказать всемерную помощь нашему Президенту. Потому что без решения этих проблем все наши разговоры — это интел*лигентская болтовня.*

Надо решить, и народ уже ждет, к какому берегу приставать, надо переходить к рынку. Мы на середине, назад нельзя, плыть вперед еще долго, но надо плыть. Народ сейчас в растерянности, его надо к чему-то направить. Ничего в человеческом сообществе не придумано, кроме личной заинтересованности и сво*бодной возможности* духовного выражения личности. Чтобы человек знал, что возьмет два гектара земли, но никогда их у него не отнимут.

Сейчас много говорят о культуре. А вот ездишь по свету божьему и видишь странную ситуацию: такой запущенности подъездных путей, как у нас в Москве, ни в одном городе нет. Потому что нет у людей ощущения своего. И замусоренность той же Москвы, того же Ленинграда, вероятно, возникла не сразу. Ведь старый русский мужик не смотрел телевизор и не читал Достоевского, но у него были нравственные основы, которые он не смел переступить, а основы эти были заложены церковью, всем укладом жизни.

А сейчас все можно. И как теперь нам это восстанавливать? Призывами? Я в это не верю. Так сказать декларациями, подписями всех народных артистов *и всех академиков — не верю.* Только условия жизни воспитывают человека. Разве западные рабочие лучше наших? Нет. Но западные рабочие — высокооплачиваемые и заинтересованы в труде, поэтому культура производства там намного лучше. Наши рабочие не боятся потерять свое место и не боятся, что их будут ругать за плохую работу. Это прежде всего незаинтересованность, и отсюда тоже идет бескультурье.

Вот открыли в Москве «Макдональдс». Большей пощечины нашему обществу придумать нельзя. В центре столицы стоит очередь с половины десятого утра до половины десятого вечера. Гигантская толпа. Морозы, дожди, а люди стоят. Но мало того, что стоят, они идут, *как стадо, которое загоняют в* определенные загородки. Потом начинается дикая давка. Ну, о какой культуре может идти речь, когда этот злосчастный бутерброд завоевывается в борьбе! В Аргентине на каждом шагу видел эти «Макдональдсы» — там никого нет, а у нас один, да еще в центре Москвы. Это горечь, это беда, это трагедия.

М. С. Горбачев: Это не «Макдональдс» виноват.

Затем оратор высказал свое мнение о налоговой системе.

Союз театральных деятелей *России, сказал он, на те день*ги, что зарабатывает, помогает своим актерам, доплачивает им к пенсии, осуществляет их социальную охрану. На прошлой сессии мы еле-еле откричались, чтобы у нас не отобрали эти деньги, а отобрать их — значит все развалится: весь союз и все союзы. Кому нужны эти налоги, из-за которых актеры, художники, писатели отказываются работать. Это такая безрукая политика, которую я не очень понимаю. Выгоды государство никакой не имеет, нас ничтожно мало, чтобы брать эти налоги.

Выступление Б. И. ОЛЕЙНИКА

Я хочу призвать вас помочь Президенту установить мораторий на изыскания по части определения древности, младости народов, хотя бы на период, когда вступит в действие комиссия во главе с Президентом и мы придем к определению, какое общежитие хотим построить. Я никому *не хочу предъявлять* претензий, сказал писатель, но любое слово, сказанное неосторожно, используют национал-карьеристы, раздувают. Вы знаете, как это умело можно сделать, ведь спекулянты были во все времена, а сейчас они наверху оказались и раскручивают до кровавого столкновения. Поэтому я абсолютно согласен с Дмитрием Сергеевичем *Лихаче*вым, Борисом Сергеевичем Угаровым, Михаилом Александровичем Ульяновым, что есть черта, за которой мы должны остановиться.

Сразу перебрасываю вольтову дугу к другой проблеме, о которой здесь говорили. Мы с вами уникальные люди, так случается раз в тысячелетие. С на*ми живут еще люди, родившие*ся в XIX веке, рожденные полноправные граждане XX века и рождаются люди, которые будут полноправными гражданами уже в XXI веке. Значит, три века на одном пятачке. Заканчивается столетие и тысячелетие. И как может человек, который сражался за нашу Родину, который ковыляет на костылях к своему закату, узнать, что уже решено снять праздник, который считается национальным. Это лишает смысла всю его жизнь. Посмотрите, какое отношение наигрывается в некоторых рупорах гласности относительно наших фронтовиков-ветеранов. Ни в одной стране мира нет такого уничижительного, принижающего и даже враждебного отношения к людям, которые защитили нас.

Кое-кто замахивается на могилы павших на полях сражений Великой Отечественной, разру*шает надгробия. Давайте будем* говорить точно — это не только бескультурье, это политика, которая ведется определенными кругами, бросающими детей и внуков погибших и ныне живущих фронтовиков ко второму моральному их расстрелу. Они уже попали под этот расстрел. Второй моральный расстрел — и мы должны определить это *четким термином — призыв* к отцеубийству моральному. Это такой грех, который подлежит уже не мирскому суду.

Выступление И. А. АНТОНОВОЙ

Я догадываюсь, сказала она, что здесь *не так часто звучит* голос музейного работника, и я очень высоко ценю возможность немного рассказать о нашем музее в том контексте, который сегодня здесь звучит. Во всех цивилизованных странах музеи принадлежат к числу опорных, ведущих, главных учреждений культуры. Сегодняшний музей — это и храм, и форум, и институт, и театр, и школа, в которой воспитывается человек. К сожалению, положение музейного дела в нашей стране очень трудное, а в какой-то части и очень постыдное. За многие десятилетия в *стране не строятся новые музеи.* В чудовищном состоянии находится материально-техническая база существующих, и многие из них не реконструируются, а просто закрыты, потому что они дальше не могут существовать. Нет хранилищ, нет оборудования, не соблюдаются самые элементарные параметры, связанные с необходимым климатом для па*мятников культуры и искусства.* Это, конечно, результат небрежения к нашему делу, непонимания того, чем являются музей, библиотека, что они означают для культуры в нашей стране.

В очень тяжелом материальном положении находятся музейные работники. Вот здесь назвали цифру 700 рублей, 500 рублей. Наш музей союзного значения. Средняя заработная плата у нас 122 рубля. Как можно в этих условиях сохранить кадры? В последнее время, когда появилась возможность уходить в кооперативы, во всякого рода совместные предприятия, нас покидают высококвалифицированные сотрудники. Я знаю, что эти процессы проходят и в других музеях. А ведь наш музей — союзный, относится к числу самых высокооплачиваемых.

Здесь говорилось, в частности, о декларации, которую предлагает принять Дмитрий Сергеевич, о том, что нужно призвать наши предприятия оказывать спонсорскую помощь учреждениям культуры. В какой-то степени это возможно. Ведь это же необязательный момент. Разумеется, содержание культуры, музеев, биб*лиотек должно взять на себя го*сударство. Причем речь должна идти не об одном проценте, а сейчас, когда мы дошли просто до крайней точки падения, это должно быть по крайней мере 15—20 процентов. Деньги надо найти во что бы то ни стало. Иначе еще через какое-то время просто нечего будет хранить и некому будет хранить.

*Мы, музейные работники, ста*ли больше ездить, у нас есть возможность сравнивать. Возьмите Францию. За десять лет здесь построены три огромных музея, вернее — два новых и один капитально реконструирован. Открыт еще один центр промышленности. И все это за очень короткие сроки. Поэтому субсидии субсидиями, но должно быть, ко*нечно, и государственное финан*сирование, и об этом нужно думать немедленно.

Я скажу откровенно: меня привели в ужас некоторые выступления на сессии Верховного Совета СССР. Даже на Комиссии по культуре и искусству говорят подчас, что безнравственно думать о том, чтобы прибавлять культуре, когда народ не на*кормлен.*

Вспоминаю, как 20 лет назад приходила в Министерство культуры и говорила: крыша течет, помогите! Мне отвечали: вы что, не понимаете, какие есть проблемы? У людей нет жилья, нет того, другого. До вас еще дело не дошло. И сколько же это будет продолжаться? Мне кажется, должно быть сознание, прежде всего у депутатов Верховного Совета. Об этом надо все время говорить и изыскать для культуры средства. Надо их найти. Каким путем, с кого брать эти отчисления, не мне решать. Но то, что эту проблему надо решать немедленно, совершенно очевидно.

Еще один вопрос, связанный с охраной нашего художественного наследия. У нас большое число *личных коллекций. Многие па*мятники культуры остаются во владении наследников после смерти коллекционера или художника. У нас нет никакой правовой защиты для государства этого достояния. Я опять-таки должна сослаться на зарубежный пример. В 1968 году президент Помпиду в Париже подписал закон, по которому наследники обя*заны огромный процент отдать* государству и только очень небольшую часть оставить себе. А если хотят все наследие оставить себе, должны его выкупить. Но практически это нереально. Наследие Пикассо, Шагала — это миллиарды, которые поступили государству на основе закона. Право государства — распорядиться этим наследием в свою *пользу прежде всего. Есть специ*альная комиссия, которая отбирает лучшие вещи. На этой основе создаются музеи. Так создавались музеи Пикассо, Шагала... У нас это чаще всего разбазаривается. А сейчас положение совсем ужасное, потому что наследники получили возможность продавать ценности за границу. Ни один из них не хочет продать то, что ему *принадлежит, даже* нам, музею, за большие деньги. Кстати, министерство дает нам эти деньги на покупки. А наследники не хотят продавать за рубли. И через аукцион «Сотби», через всякие другие каналы вывозят памятники за границу. Мне кажется, что принятие закона о художественном наследии и праве государства на него совершенно необходимо.

Здесь очень много и справедливо говорилось о культуре, о духовно-нравственных ценностях, о том бедственном положении, в котором находится духовная, нравственная жизнь. Разрешите мне сказать о том, о чем еще не говорили, пользуясь тем, что здесь очень много людей, которые отвечают за разные отрасли *культуры и искусства. Пере*стройка сделала многое для того, чтобы мы оценили и признали свое наследие XX века: художников, философов, писателей, поэтов, музыкантов. Это замечательно, что весь этот огромный, драгоценный пласт культуры нашего времени стал нам доступным. Но вместе с тем происходит какое-то отторжение, я бы сказала, классического наследия. Мы слишком мало этим занимаемся. Почти ничего нет по телевидению. В театрах перестали ставить пьесы великих драматургов.

Вы знаете, уже воспитывается целое поколение, которое не знает, что такое классическое наследие, каким богатством мы обладаем. Будь то западное или наше отечественное, *русское и* нерусское, какое угодно. К классике, которая, собственно, и представляет собой «золотой» запас нравственности, красоты, культуры, совести, нужно привлечь внимание наших детей, и не только детей, а тех, кто их учит, и их родителей. Потому что уже несколько поколений живут вне этого ареала культуры. Они этого не знают.

Извините, но я коснусь одного, наверное, деликатного вопроса. Не кажется ли присутствующим здесь деятелям культуры, что, пытаясь говорить об основах нравственного возрож*дения наших людей,* мы слишком акцентируем, преувеличиваем через телевидение, через средства массовой информации влияние религиозного мышления? Чтобы быть правильно понятой, скажу, что в наших лицеях впервые прозвучала «Всенощная» Рахманинова. Я с огромным уважением и пониманием отношусь к восстановлению правовых законов для религии, для церкви, которые сделаны в нашей стране. Но все-таки попытка сказать, что только церковь, только религия держат приоритет на нравственность, на совесть, на все высокие, духовные и нравственные моменты нашей жизни, наверное, все-таки неправильна. Думаю, здесь есть определенный перегиб, какое-то пережимание этой темы. Всем нам, конечно, надо еще над этим очень много подумать, потому что огромный опыт философской мысли, культуры, искусства — очень важная основа для нравственного воспитания людей, и, мне думается, важность религиозного мышления едва ли следует преувеличивать.

И еще один вопрос, который *был затронут, — проблема раз*рушения памятников. Для меня это, может быть, самый острый знак одичания, просто падения какого-то. Безумно стыдно за нацию, за людей, которые замахиваются, скажем, на памятники Ленину, на памятники героям Отечественной войны, вообще на памятники. Я очень тяжело, например, пережила переименова*ние МХАТа имени Горького в* великое имя Чехова. Как же можно было менять имя Горького? К чему? Это же пример безнравственного подхода к своей собственной истории, к той исторической среде, в которой мы живем.

Сейчас, к сожалению, предлагается снять имя Пушкина с нашего музея. Как это можно — снять имя Пушкина? Кто решится на это?

Вот во Франции были и Робеспьер, Наполеон. Тем не менее там стоят памятники этим *людям. Есть историческая среда* исторического прошлого, в котором живут люди. Я не сталинистка, но во Франции есть Сталинградский проспект, и они не будут его переименовывать, потому что этот проспект назван в честь определенного исторического события, имевшего место, и т. д. и т. п. В этом ажиотаже переименований, разрушений, мне *кажется,* нужно сохранить все-таки чувство и достоинства, и какого-то исторического самосознания.

Выступление Р. А. БЫКОВА

Хочу провести аналогию между *положением, существовавшим в* Древнем Новгороде, и сегодняшней ситуацией в стране. Там, оказывается, было все, как сейчас начинается у нас. Там была власть воевод, власть гильдии каждой профессии, власть каждой улицы и каждого переулка. Возглавляя детский центр, я сталкиваюсь с районом, с городом. Нужно все согласо*вать и согласовывать.* Администрация растет просто параллельно и прямо пропорционально развитию нашей демократии. Спрашивают: «А вы только в той инстанции согласовали? А с другой половиной не согласовали?» Все это может кончиться парламентом жэка и, так сказать, всеми другими руководящими демократическими органами.

А что это такое? Это — демократия при отсутствии культуры. Это — средневековая демократия, где, кроме всех властей, было еще и вече. У нас демократия — это кто кого перекричит или кто кому больше заплатит, кто больше выпьет. Это проблема взаимоотношений культуры и демократии.

Есть понятие культуры и власти. В России всегда была власть выше закона. Отсюда и была мечта о добром царе. Отсюда и по сей день мечта о хорошем секретаре обкома, хоро*шем председателе исполкома, на* них надежда. И все-таки, когда мы говорим о власти и культуре, мы говорим о времени, когда закон выше власти.

Почему я так сегодня активно поддерживаю президентскую власть, потому что думаю, что другого выхода нет. Смешно говорить, что республики должны сойти с пути обретения суверенитета. Этого не может быть. Это органическое направление в демократизации нашего общества. Но самоуправление не должно обращаться в самоуправство. Мы ведь все-таки дети старого времени и входим в новое время со всем старым багажом. Ведь когда люди делали автомобили, то они сделали их в форме карет, а когда они сде*лали пароход, они его сделали в* форме парусника. А сейчас, когда мы выходим на демократию, то выходим в форме сталинизма. Потому что мы представляем себе демократию так: не каждый человек свободная личность, а каждый человек начальник. Вот такая у нас демократия. Поэтому сегодня, когда развивается суверенитет республик, я думаю, *что мы опаздываем с одним* указом, а именно — президентским. Именно указом, то, что может лечь в основу объединения всех республик, — о суверенности личности. Указ Президента о суверенности личности независимо от того, в какой республике эта личность живет, какой она национальности, в каком регионе и что нельзя ее трети*ровать ни на каком основании.* Нельзя третировать русских, которые живут в Эстонии, нельзя третировать русских, которые живут в Узбекистане, нельзя третировать ни одну нацию. Президент выступает с позиции всего Союза. А что такое СССР? Это — все и каждый по отдельности вместе. Я представляю себе такой указ о суверенности личности как самый главный поворот в определении культуры общества, потому что это и есть культура. Это — культ доброты, человечности и нравственности. Это был бы поворот к культуре в первую очередь.

Далее оратор остановился на проблеме перехода к рынку в контексте культуры. Сегодня, идя к рынку, сказал он, мы как бы переступаем ту дорогу, которую никогда не переступала русская культура. В связи с этим он считает необходимым, что параллельно, например, с программой Шаталина надо иметь программу сохранения *культуры, национальной культу*ры с национальными традициями.

Когда мы говорим о культуре, в первую очередь имеем в виду детей, продолжал Р. А. Быков. Надо включить в программу вопрос о том, что у нас есть и что омертвело. Вот, например, дома пионеров — некоторые из них работают замечательно, но некоторые совсем плохо. Надо расформализовать жизнь домов пионеров. Расформализовать, потому что там вообще существуют нормативы. Оказывается, зарплата педагогу Дома пионеров начисляется от количества людей, которые его посещают. Поэтому хор — это хорошо, а драмкружок — это плохо. Надо оживлять те организмы, которые стали мертвыми.

И последнее — детское кино... Я, Михаил Сергеевич, Вам писал письмо, знаю Вашу точку зрения, ожидаю от Вас большой помощи. И все-таки хочу сказать. Сейчас центр, которым руковожу, выпустил уже не одну премьеру, а пять премьер подряд. Показываем их в кинотеатре, который громко называется Центральный детский. А между тем кинотеатр находится в жутко обшарпанном здании. Когда-то был первый детский. Считалось, что будут второй, третий... Это был лучший кинотеатр в Москве.

Сейчас здесь нужно строить кинотеатр для детей, многозальный, и я думаю, что такой кинотеатр мы построим. Мне думается, что много денег зря идет. Много мертвых денег, мертвых изданий, мертвых учреждений. Вот их надо тоже оживлять, и это целое направление в развитии нашей культуры.

Выступление А. В. ВАСНЕЦОВА

Культура — это не только искусство, это не средство пропаганды, не средство развлечений. Это инструмент единства, система связи, которая спасает об*щество от развала. Она* — цемент этого единства. Поэтому я придаю культуре особое значение, без нее, по-моему, дальнейшее разрушение неизбежно. Какие инструменты этого разрушения сейчас, с моей точки зрения, существуют?

Первое. Мы поняли, что надо сначала все разрушить до основания, а затем... И вот «затем» *не получилось. Получилось но*вое разрушение. Мне кажется, культивируется вообще дух разрушения, который может жечь, перевернуть машину, бить стекла. Уничтожить памятник Ленину, уничтожить памятник Шота Руставели, уничтожить древний храм, перестроить какой-то старинный город, например Можайск, по новому образцу. И это *есть тоже дух разрушения.* Мы распахали в Москве, в других местах огромное количество кладбищ и жалуемся на то, что уничтожаются могилы наших солдат. Мне это очень горько, я сам участник войны. Мы культивируем дух разрушения. И работники культуры, все люди должны идти против этого, Михаил Сергеевич. Без применения *власти в данном случае ничего* не получится. Надо заявить, что любое разрушение любого памятника есть уголовно наказуемое преступление. Это разрушение нашей памяти.

Второе. Это коммерция. Коммерция разрушает искусство. Рынок неизбежен, мы должны к нему как-то подойти. Но рынок в своем первоначальном яв*лении погубил Рембрандта,* он погубил Ван Гога. Он способствовал именно коммерческому искусству, а не высокому искусству высоких личностей. Эти личности для рынка были неприемлемы, он их отметал. И сейчас отметает. Поэтому нужно выработать какие-то защитные механизмы против тех явлений, которые вызовет у нас рынок. Повторяю, он неизбежен, я понимаю это, мы не можем стоять на месте, мы должны переходить к рыночным отношениям. Но культура должна быть от его негативных явлений защищена. Обязательно. *Я боюсь,* что если мы пустим все на коммерческую основу, то завтра не будет ни Третьяковки, ни Русского музея, ни Музея имени Пушкина, а будет сплошной Арбат. Я не против Арбата, но, когда он будет везде, думаю, что это будет чудовищно. А к этому идет.

Далее оратор выразил свое *недоумение в связи с показом* по телевидению разрушения памятников Ленину. Показывать на всю страну ужасные кадры с веревкой на шее. Понимаете, с отломанной головой, ну зачем?

Еще если говорить о коммерции, то я хотел бы обратить внимание на частный вопрос. Здесь уже говорили, что к налогам, которые сейчас грядут, *мы не готовы. Условия коммер*ческого существования дадут нам немало трудностей да плюс еще все льготы, которые нам обещали, оказались на поверку настолько обставлены всякими «рогатками», что они не работают. Мы пока не можем разобраться, подготовиться к рынку... Надо отменить налоги на культуру хотя бы на пять лет, чтобы мы не рухнули... Мне кажется, Михаил Сергеевич, Вы как Президент можете это сделать.

И последнее. Я поддерживаю власть Президента, потому что другого выхода у нас нет, и это — наша последняя надежда.

М. С. ГОРБАЧЕВ: *Гражданское согласие — альтернатива противостоянию*

Хочу выразить глубокое удовлетворение самим фактом этой *встречи, сказал в заключение* М. С. Горбачев. Лично я получил сегодня важную для себя точку опоры.

Думаю, бездействие, безвластие, потери начинаются, как только люди разоружаются духовно. Где паника, нет и работы. Поэтому сейчас главное — стабилизация общества.

Состоявшийся разговор заслуживает того, чтобы над ним серьезно поразмышлять. Он был проникнут и тревогой, и ответственностью, и, что особенно важно, конструктивностью. У меня было много встреч, в том числе с представителями научной и творческой интеллигенции. Эта — одна из самых продуктивных. Я очень высоко оцениваю проявившееся здесь стремление к объединению усилий интеллигенции, всех людей, республик, всего общества. Ваше слово в пользу этого незаменимо.

Далее М. С. Горбачев подчеркнул, что ситуация в *стране со*держит и огромный позитивный потенциал, и большие опасности, которые уже начинают сказываться. Происходит отставание в органах власти и управления. События надвигаются быстрее, чем можно было предвидеть. Есть признаки движения к хаосу, к анархии. Ждать, когда это все приобретет, так сказать, *развернутые формы, безответ*ственно, недопустимо. Задачи всех государственных и общественных институтов — использовать имеющиеся возможности и остановить негативные процессы. В этом смысле мы думаем с вами одинаково. Даже самые жесткие ваши суждения шли от стремления укрепить, поддержать то позитивное, что было *достигнуто в последние годы,* а вовсе не отказаться от начатого большого дела. Надо сохранять политику перестройки, удержать ее в рамках, а в хорошем смысле канализировать — через развитие политического процесса, повышение политической культуры, через лучшую организацию дела. Убежден, что, пока еще не поздно, надо овладеть ситуацией, направить ее в конструктивное русло.

В этот час испытаний — таких слов нечего бояться — нам необходимо согласие в обществе. Конечно, есть силы, определенные течения, с которыми мы никогда не примиримся. Но в целом при разнообразии мнений и позиций необходимо понимание общей ответственности в нынешней критической ситуации. От того, как мы будем действовать в этот период, многое зависит — думаю, интеллигенция это чувствует. Иначе все духовно-*нравственные завоевания,* вызванные раскрепощением мысли и энергии, свобода творчества — все будет утрачено, и тем самым поставлены под угрозу перспективы развития.

Гражданское согласие — это альтернатива противостоянию, крайняя степень которого — гражданская война. Это альтернатива и тоталитарной казар*менной системе. Если бы мы по*шли по линии глубокой конфронтации и, как бывало на Руси, стремились превратить оппонента в мокрое пятно, то это был бы как раз возврат к такой казарме. То и другое — трагедия, повторение которой страна и народ не переживут. Не переживут и масштабного гражданского конфликта, который рас*колол бы общество. Этого нель*зя допустить. Здесь нужно употребить все: и власть, и культуру, и мудрое слово.

Должен сказать, что в последнее время в разных слоях общества проявились панические настроения. Причем совпадение: и слева и справа пугают заговором. Думаю, тут и печать помогла немало многими безответственными *заявлениями. В этой* ситуации слово крупнейших деятелей нашей культуры очень важно. Оно может дать народу точку духовной опоры.

Уверен, что идея гражданского согласия не надумана. Она диктуется и тем, что мы находимся в преддверии перехода к рынку, и тем, что заняты сейчас необычайно сложной проблемой, о которой все здесь говорили, — подготовкой общесоюзного договора, на базе которого должен быть реформирован наш Союз. Мы выдвигаем гражданское согласие как политическую идею и лозунг дня, делаем это во имя будущего.

Хочу решительно поддержать высказанную здесь мысль о «собирательной» роли культуры. *Об этом так или иначе говори*ли по сути все, а само выражение употребил Ч. Айтматов. Действительно, уроки нашей революции, крутых общественных преобразований требуют поставить культурные, правовые, нравственные ограничители перед напором деструктивных, «бесовских» сил, которые дают о себе знать в нашем обществе.

*Культура менее всего подвер*жена распаду, она держится на традициях, на памяти, на связи поколений. От нее в огромной степени зависит и стабильность общества. Это же все — в самом народе, тут главный источник стабильности.

Вместе с тем я согласен с М. Ульяновым и другими товарищами, которые говорили, что *одной культуре в нынешней си*туации не справиться. Разделяю ваше мнение тем более, что высказывают его люди ответственные, отнюдь не призывающие к *созданию какой-то хунты.* Стране нужна стабильность — политическая, правовая, экономическая, нужны порядок, эффективно действующие институты власти.

Выражаю свою признательность за поддержку усилий Президента, за то, что хотите укрепить его дух. Вы, наверное, уже не сомневаетесь, что из этого Президента диктатора не получится. Но сейчас возникла потребность действовать решительно. Мы не можем измениться, не меняя прежних установле*ний. Президенту надо найти та*кой способ и образ действий, чтобы, обеспечивая правопорядок, поддерживать все живое, что происходит в разных слоях общества, на уровне республик. Это — сложный и многообразный феномен.

Надеюсь, действия Президента будут поддерживаться, встречать понимание на местах. Сей*час придется быстро находить и* дополнять институт президентства новыми организационными формами. Очень важно, например, что Н. Губенко и Ю. Соломин, как здесь говорилось, находят новые формы сотрудничества, чтобы двигаться вперед. Это должно сейчас присутствовать во всех союзных структурах, чтобы республики чувство*вали — центр меняется, он* открыт для сотрудничества с ними. Непросто преодолеть негативное отношение к центру, хотя он уже не тот, каким был в прошлом. К нему должно возникнуть доверие, а это случится только тогда, когда будет сознание: этот центр — наш, мы его сформировали, будь то парламент и правительство или же центр *по вопросам культуры,* где опять-таки все мы присутствуем. Вот, собственно, что нужно.

И, конечно, может быть, придется где-то пойти на жесткие административные меры там, где будет диктовать обстановка, где неприятие этих мер может привести к тяжелым последствиям. Словом, надо власть употреблять, но мудро и ответственно, сохраняя главное направление перестройки.

Отвечая на тревожные вопросы участников встречи, связанные с уборкой урожая, М. С. Горбачев сказал:

У вас информация точная — с уборкой урожая положение чрезвычайное. Могу сказать, что сейчас многое уже сделано. Принят и направлен во все республики Указ, согласно которому можно независимо от подчиненности организаций мобилизовывать людей, технику, ресурсы, *чтобы взять выращенный* урожай. Максимально подключены студенты, учащиеся, армия. Кстати, и под Москвой военных больше обычного. В результате чего они, как вы знаете, попали в «заговорщики». Короче говоря, подчеркиваю: мы сделаем все, чтобы и картофель, и капусту, и морковь, и сахарную свеклу взять с полей.

Очень тяжелые погодные условия — техника останавливается. Да и урожай картофеля низкий. Особенно трудное положение складывается в крупней*ших промышленных центрах.*

Сейчас по моему указанию создана оперативная группа во главе с Л. А. Ворониным и Е. С. Строевым. Она занимается во*просами обеспечения продо*вольствием Москвы, Ленинграда, промышленных центров, таких, как Свердловск, Челябинск и другие. Произведем закупки картофеля за рубежом.

Все вы знаете, как трудно становятся на ноги новые Советы. Что касается Москвы, я был вынужден попросить Ю. А. Прокофьева — говорил об этом *на сессии — собрать руководи*телей-коммунистов в горкоме партии, призвать сделать все необходимое, чтобы поправить дело.

Правы товарищи, говорящие, что, кроме бесхозяйственности, колоссальный урон наносят саботажные, спекулятивные силы — создают искусственный дефицит, выворачивают карма*ны, взвинчивают спрос. В бли*жайшие дни примем дополнительные меры по борьбе со спекуляцией. Надо серьезно активизировать работу прокуратуры, МВД. Словом, будем настойчиво добиваться нормализации положения в стране.

Возвращаясь к теме встречи, М. С. Горбачев поддержал предложения выступавших о значи*тельном усилении внимания* к проблемам нравственного, эстетического воспитания детей и молодежи. Речь шла и о создании правовых гарантий, экономических условий сохранности исторического и культурного наследия народов СССР, развитии профессионального искусства и самодеятельного творчества.

В ходе встречи были обсуждены вопросы, связанные с совместными действиями органов власти и творческой интеллигенции в защиту духовных ценностей от нравственной коррозии и издержек коммерциализации, в интересах гуманизации всех звеньев образования, развития литературы, музыки, театра, кино, изобразительного искусства, *взаимообогащения культур* народов страны.

(ТАСС).

XVII съезду Прогрессивной партии трудового народа Кипра

От имени советских коммунистов горячо приветствуем делегатов XVII съезда Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ).

Наша партия, проводящая курс на глубокие преобразования в советском обществе, высоко ценит братскую солидарность АКЭЛ.

Желаем вашей партии, всем демократическим силам страны успехов в справедливом решении кипрской проблемы, защите интересов трудящихся.

КПСС и впредь будет крепить традиционную дружбу наших партий и народов.

Секретариат Центрального Комитета КПСС

Есть хорошая перспектива

В понедельник, 1 октября, во второй половине дня в нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория» состоялась беседа президента Соединенных Штатов Дж. Буша и министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. Сразу же после беседы советский министр встретился с группой журналистов. Сначала он кратко рассказал о содержании беседы.

— Мы обсудили большой круг проблем. Естественно, в центре внимания были вопросы, которые уже обсуждались мной и госсекретарем США,— сокращение вооружений и все, что связано с Парижской встречей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Я считаю, что успешное завершение переговоров в Вене — залог успеха встречи в Париже. А в Вене мы сегодня вправе ожидать позитивных результатов.

Мы также констатировали, что имеются хорошие перспективы до конца этого года завершить переговоры о сокращении наступательных вооружений. Мне кажется, что некоторые проблемы, связанные с этим соглашением, будут разрешены еще до моего отъезда из Нью-Йорка. Завершить рассмотрение вопросов, касающихся Договора по СНВ, можно будет во время моего визита в Вашингтон в первой половине ноября. Если нам удастся осуществить задуманное, тогда же можно будет определиться со сроками визита президента США в Москву.

Обсуждали мы также вопросы двусторонних отношений. Затрагивались и проблемы американо-советского экономического сотрудничества. Правда, мы не вдавались в детали, но об этом говорили.

Я указал на исключительную важность речи, произнесенной президентом США в ООН незадолго до нашей встречи. Особого внимания заслуживает поддержка американским президентом деятельности этой международной организации в целом и решений Совета Безопасности ООН.

Естественно, мы подробно обсуждали конфликт в Персидском заливе. И мы, и американская администрация считаем, что сейчас есть шансы для мирного разрешения конфликта. Мы готовы действовать сообща, чтобы достичь мирного урегулирования кризиса.

Шел разговор и о некоторых других регионах, в частности о положении в Центральной Америке. Вот и все, что мы успели сделать за 35 минут. Я удовлетворен этой встречей и считаю, что она была необходимой и полезной.

После этого корреспонденты «Правды» задали министру несколько вопросов.

— Эдуард Амвросиевич, конкретно об американских кредитах Советскому Союзу вы с президентом не говорили?

— Нет, конкретно мы это не обсуждали. Как видите, я с пустыми карманами, не при деньгах...

— Затрагивал ли американский президент вопрос об участии советского военного контингента в совместных действиях в районе Персидского залива?

— Да, президент поднимал этот вопрос. Но он хорошо знает нашу позицию, осведомлен о всех наших подходах. Мне кажется, что в его выступлении на нынешней сессии Генеральной Ассамблеи ООН все акценты были расставлены правильно. Именно такой подход открывает хорошую перспективу. Я имею в виду перспективу мирного урегулирования конфликта в районе Персидского залива.

— А какую роль в урегулировании этого трудного конфликта играет сейчас наш Президент М. С. Горбачев?

— Он постоянно держит руку на пульсе. Идет интенсивный обмен посланиями, имеют место другого рода контакты, в том числе телефонные разговоры. Недавно в Ираке находился личный представитель Президента СССР. Так что работа идет интенсивная и напряженная.

В. ЛИННИК,
В. СУХОЙ.
(Соб. корр. «Правды»).
г. Нью-Йорк, 2.

На съезд в Никосию

2 октября по приглашению руководства Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ) в Никосию на XVII съезд АКЭЛ вылетела делегация КПСС во главе с секретарем ЦК КПСС В. А. Купцовым.

(ТАСС).

«ПРОНИКНУТЬСЯ УВЕРЕННОСТЬЮ И ДОВЕРИЕМ»

Сегодня, 3 октября 1990 года, в 00 часов произошло историческое событие — объединились два германских государства. Первым главой правительства объединенной Германии стал федеральный канцлер Гельмут Коль. «Правда» обратилась к нему с просьбой ответить на ряд вопросов. Накануне события канцлер принял заместителя главного редактора газеты А. Карпычева и ее собственного корреспондента в Бонне Е. Григорьева, чтобы вручить им публикуемый ниже текст интервью «Правде».

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Вопрос: Государственное объединение Германии произошло. Господин федеральный канцлер, как бы вы оценили значение этого события для немецкого народа, Европы, для мира?

Ответ. Для нас, немцев, 3 октября 1990 года исполняется мечта, когда после 45 лет раскола, в согласии со всеми нашими соседями на Востоке и Западе, мы вновь обретаем наше единство. Одновременно в последнем десятилетии века, принесшего народам Европы столько страданий и горя, нам представляется уникальный исторический шанс: проявляя ответственный политический подход, внести вклад в создание прочного мира на нашем континенте, залечить старые раны и предложить подрастающему поколению конкретную перспективу жизни в условиях мира и свободы, с полным правом на личное счастье.

Если мы, немцы, воспользуемся этим историческим шансом, а мы на это решительно настроены, то объединение нашего отечества явится благом для всех народов Европы и пойдет им только на пользу, обеспечив нашему континенту большую безопасность и стабильность.

Мировое сообщество в целом приобретает в лице единой Германии партнера, способного взять на себя повышенную ответственность за судьбы мира, за решение стоящих ныне перед человечеством масштабных проблем.

Вопрос: Какие факторы предопределили, на ваш взгляд, успех процесса объединения? Какие этапы вы считаете важнейшими на этом пути? Могли бы вы представить себе столь стремительное, в согласии со всеми, объединение немцев, не будь в Советском Союзе политики перестройки и гласности?

Ответ: Без политики реформ Президента Горбачева, без нового мышления в советской внешней политике объединение немцев в таком темпе и в такой гармонии, как это происходит, вряд ли можно было себе представить.

Счастливое завершение нашего пути к германскому единству предопределили два момента:

— с одной стороны, мужество и напористость людей в бывшей ГДР, выступивших вместе со многими другими народами Центральной и Юго-Восточной Европы за свои права, за самоопределение, за единство нашей страны;

— с другой стороны, более чем сорокалетняя политика Федеративной Республики Германия, внушившая нашим партнерам на Западе и на Востоке доверие в отношении мирных намерений нашей страны и вместе с тем заложившая основы для взаимовыгодного сотрудничества. Свою роль не в последнюю очередь сыграли доверительные личные отношения, которые мне удалось установить с лидерами Запада и Востока, и прежде всего с Михаилом Горбачевым.

Все это вместе взятое убедило наших партнеров в том, что единство немцев — настоятельное веление времени и оно не только не таит в себе угрозы для наших соседей, а, наоборот, означает выигрыш для всех европейцев.

Важнейшими этапами на пути к единству были в самой Германии — падение Берлинской стены 9 ноября прошлого года, первые свободные выборы в бывшей ГДР 18 марта с. г., договоры об экономическом, валютном и социальном союзе и о самом объединении, а также решение Народной палаты бывшей ГДР от 23 августа 1990 года о вхождении ГДР 3 октября в состав Федеративной Республики Германия.

Из событий на международной арене ключевую роль сыграли: открытие венгерской западной границы летом 1989 года, моя встреча с Президентом Горбачевым в феврале нынешнего года, непосредственно за которой последовали конференции в Оттаве и начало переговоров по формуле «два плюс четыре», июльская сессия НАТО на высшем уровне, протянувшая государствам Варшавского Договора руку дружбы и нового партнерства; и, как венец всего, мои встречи с Президентом Горбачевым в июле в Москве и Архызе, где мы, по выражению самого Михаила Сергеевича, раскололи пару крепких орешков, открыв путь в германо-советское будущее, проникнутое отношениями добрососедства, партнерства и тесного сотрудничества.

Вопрос: Что в этом процессе потребовало максимального внимания и напряжения сил? Какое из решений было для вас при этом психологически наиболее трудным?

Ответ: Несомненно, максимального внимания и наибольшей активности потребовала задача, суть которой обеспечить, чтобы со всех сторон, а главное, конечно, со стороны нас, немцев, все было сделано для сохранения мирного характера мирной революции людей в Восточном Берлине, Лейпциге, Дрездене. В то же время в их сердца надо было вселить оправданную надежду на грядущее осуществление их мечты о свободном самоопределении и единстве. Если бы это сорвалось, сотни тысяч людей начали бы переселяться в Федеративную Республику Германия, и шансы на быстрый политический, экономический и общественный подъем бывшей ГДР стали бы делом отдаленного будущего.

Поэтому я с огромной серьезностью и особой настойчивостью добивался от всех наших партнеров в Европе понимания проблем наших соотечественников. В то же время я напрямую обращался к людям, пытаясь дать им почувствовать, что их голос услышан и что их проблемы будут решены.

Особенно на первом этапе мирной революции мне нередко приходилось делать это, преодолевая сопротивление тогдашнего, к сожалению, недальновидного руководства ГДР. В то же время я должен был стараться вместе с правительством ГДР систематически продвигать дело единства. Психологически нелегкая задача. К счастью, выборы в ГДР 18 марта разрешили эту проблему.

Вопрос: Могли бы вы назвать тот момент, когда вам стало ясно, что объединение произойдет в 1990 году, и вы сказали себе: «Ну вот и все, дело сделано». Какие эмоции владели вами в этот момент?

Ответ: Мне легче назвать чувства, которых я не испытываю: нет во мне ни самомнения, ни зазнайства, ни националистического пафоса. То, что я испытываю, можно определить как сочетание смиренности, осмотрительности, с одной стороны, и счастья — с другой.

Счастья — потому что достигнута моя заветная политическая цель — единство Германии.

Смиренности — как христианин и историк я прекрасно сознаю, насколько уязвимы, насколько несовершенны все человеческие устремления. Ведь недаром немецкая пословица гласит: «Счастье, как и стекло, легко разбивается».

Осмотрительности — потому что за свою сорокалетнюю политическую жизнь я усвоил: каким бы прочным ни был успех, нельзя ни на минуту расслабляться, забывать о необходимости его всестороннего закрепления, особенно на будущее.

По второй части вашего вопроса: если говорить о ключевом во всех отношениях для меня моменте, то я назвал бы массовый митинг в поддержку германского единства в незабываемый декабрьский вечер в Дрездене в прошлом году. Там я осязаемо ощутил, что собравшиеся десятки тысяч людей перед развалинами церкви «Фрауэнкирхе» верят в меня и связывают свои надежды с проводимой мною политикой. Там я почувствовал: все в наших руках. С того момента я с удвоенной энергией и решимостью стал стремиться к достижению немецкого единства еще в 1990 году.

Вопрос: Какими вам видятся объединенная Германия и ее роль в новой Европе и в мировом сообществе? В чем вы усматриваете ее главную ответственность перед миром и историей?

Ответ: Думаю, что роль, которую предстоит играть нашей стране и народу в Европе и мире, обусловлена нашей географией, нашей историей и нашим весом.

Как народ, живущий в центре Европы, как страна, через которую проходят традиционные пути, связывающие Восток с Западом и Север с Югом, мы в особой степени обязаны проводить политику центра, выверенных шагов и верных пропорций, что неизменно означает сохранение в поле нашего политического зрения пожеланий, забот и интересов наших соседей. Мы призваны проводить политику, которая служила бы мостом, посредником, соединяющим людей, открывающим путь для торгово-экономического сотрудничества, способствующим обмену идеями, культурным и научным обменам.

Из своей истории мы усвоили, что на нас возложена особая ответственность за мир, безопасность и стабильность в сердце Европы. Самый лучший способ реализовать ее на деле — это однозначно проявить себя в качестве надежных друзей, верных союзников и партнеров, готовых к теснейшему сотрудничеству. Именно поэтому мы стремились избежать всего, что могло бы обременить немецкое единство новыми неопределенностями и нестабильностями. Напротив, Федеративная Республика Германия остается в системе поддерживаемых ею на протяжении вот уже почти 40 лет прочных связей — я имею в виду, в частности, Североатлантический союз и Европейское сообщество — и устанавливает новые прочные отношения партнерства, в особенности с Советским Союзом.

Наконец, мы совершенно отчетливо сознаем, что возрастающий вес объединенной Германии обязывает нас занять еще более ответственную позицию в семье народов. Разумеется, мы будем и впредь, причем еще более активно, проявлять солидарность со странами, страдающими от нищеты, болезней, слаборазвитости, перенаселенности и чрезмерной задолженности. Как раз последние месяцы наглядно показали необходимость помощи со стороны объединенной Германии, в том числе и в рамках Организации Объединенных Наций, в вопросах поддержания всеобщего мира и международной безопасности. И в этом мы также не разочаруем мировое сообщество.

Вопрос: Германский вопрос всегда был очень чувствительным для нашего народа. Каким вы, г-н федеральный канцлер, видите будущее отношений между Советским Союзом и объединенной Германией, между нашими народами? Какое значение в связи с этим вы придаете новому «большому договору» между СССР и Федеративной Республикой Германия, под которым, как ожидается, будет стоять и ваша подпись?

Ответ: Я всегда подчеркивал и вновь повторяю: как раз памятуя о горькой истории первой половины нашего столетия, я прекрасно понимаю людей во многих странах, особенно старшего поколения, скептически относящихся к объединению немцев. Тем важнее наша задача словом и делом убедить именно этих людей в том, что германское единство пойдет на пользу и им самим. Именно этой линии я придерживаюсь и в отношениях с народами Советского Союза. С учетом столь значительного вклада СССР в дело преодоления раскола Германии необходимо, сознавая всю полноту ответственности перед историей, вывести в этот исторический момент германо-советские отношения на качественно новый уровень, нацелить их в будущее.

Упомянутый вами большой договор, переговоры по которому с вашей страной уже завершены, приобретает при этом ключевое значение. И в качестве точки отсчета эпохи новых отношений партнерства во всех областях, и, что, вероятно, еще важнее для людей в обеих странах, в качестве окончательной черты под многострадальной главой истории, как призыв к примирению и построению сообща лучшего будущего для себя и своих детей.

Рад тому, что вместе с Президентом Горбачевым скоро смогу подписать этот договор.

Вопрос: Переговоры «два плюс четыре» завершились успешно, хотя и были непростыми. Что можно было бы почерпнуть из их опыта для дела разоружения, создания общеевропейского дома, формирования структур безопасности и сотрудничества в Европе?

Ответ: Переговоры показали: если партнеры садятся за стол, движимые волей к достижению согласия, и действуют в духе возложенной на них исторической ответственности, они в состоянии поладить друг с другом по самым сложным проблемам — я имею в виду сложным с точки зрения истории, политики, безопасности и не в последнюю очередь в чисто психологическом плане. Это — принципиальный вывод, причем не только для Европы завтрашнего дня, в строительстве которой мы его, разумеется, используем, но и для упрочения мира в глобальном масштабе. Именно последние недели показали, что мировое сообщество способно справиться с новыми вызовами, дать решительный отпор нарушениям международного права и угрозам миру лишь при условии полного согласия между ответственными державами, в данном случае прежде всего между постоянными членами Совета Безопасности.

Вопрос: Поздравляя вас, г-н федеральный канцлер, в качестве первого главы правительства единой Германии, просим в заключение сказать несколько слов советским людям — читателям «Правды».

Ответ: Благодарю вас за добрые пожелания. Позвольте мне передать сердечный привет всем читателям «Правды», всем гражданам Советского Союза, а особенно тем, кто в последнее время прислал мне письма.

Я знаю, что день восстановления немецкого единства всколыхнет у многих из вас воспоминания о прошлом, вызовет двойственные ощущения.

Тем не менее, я прошу вас проникнуться в этот день уверенностью и доверием. Дайте нам шанс вместе с вами возобновить добрые традиции нашей давней истории, вековых дружественных связей, тесного экономического сотрудничества и плодотворного обмена в области культуры и науки. Тем самым вы откроете для германо-советских отношений широкие горизонты, к чему все мы стремимся.

Мы, немцы, знаем, что наш путь к единству совпадает с одним из наиболее сложных этапов осуществления реформ в вашей стране. Хочу заверить вас, что именно в этот момент мы намерены оказать вам помощь. Шансы единой Германии в этом плане неизмеримо значительнее.

Отныне наши народы вместе со всеми другими народами Европы могут вступить на долгий путь мира, сотрудничества и добрососедства.

◇

Вручив нам текст интервью и подписав его, Гельмут Коль пригласил присесть за «стол совещаний». Федеральный министр, руководитель ведомства печати и информации Ханс Кляйн, переводчик, стенографистка, фотограф да мы, корреспонденты «Правды»,— словом, народу прибавилось. Канцлер был в хорошем настроении, «раскован».

— Итак, объединение состоялось. Это конец или начало большой работы? — спрашиваем мы.

— Думаю, это — и то, и другое,— отвечает Гельмут Коль.— Конец очень важен, но начало все-таки важнее. Когда Михаил Горбачев был здесь в июне прошлого года, мы уже обсуждали будущие отношения. Потом мы интенсивно продолжали обсуждение этой темы в Москве и на Кавказе. В одном отношении у нас есть нечто общее: мы примерно одного возраста, в детстве пережили войну. Значит, мы не только слышали рассказы или читали о бедствиях войны, но и сами познали ее.

Мы были едины в стремлении открыть новую главу. Не забывая при этом, что было. Кто не знает истории, тот не понимает современности и не может строить будущего. Помню, на Ставрополье мы с Горбачевым вдруг оказались перед группой ветеранов. Они были, наверное, лет семидесяти и старше, в орденах. Один из них тогда сказал: «То, что вы делаете, это хорошо. Сделайте это для наших внуков». Горбачев стоял рядом со мной. Мы оба ответили одно и то же: «Мы этого и хотим».

— А если обратиться к Германии, в чем здесь конец, в чем начало? В чем вы видите проблемы? Как будут «срастаться» люди?

— Мы 40 лет жили раздельно. Экономические системы были, например, совершенно различными. Отсюда возникают переходные проблемы. Они займут 4—5 лет. Но это та же Германия, тот же родной язык, та же история, те же традиции. И это поможет при совместной жизни. Проблемы будут, от нас потребуются жертвы, но мы справимся.

— Мы знаем, что вы любите отдыхать в Альпах. Не возникнет ли у вас желания провести однажды отпуск на Северном Кавказе?

— Кавказ произвел на меня фантастическое впечатление. Прекрасные места—горы, леса. Надеюсь еще когда-нибудь в жизни попасть туда. Но не на несколько часов, не для переговоров. И без «кучи» журналистов, а с несколькими нормальными людьми. Журналистов,— шутит наш собеседник,—к этой категории не отнесешь, как, впрочем, и политиков. И те, и другие по-своему особая разновидность. Больше всего мне понравилось там, на Кавказе, девственность природы, луга, еще не знающие искусственных удобрений, эти травы. В общем, красивое место. Я говорил Горбачеву, что хотел бы снова побывать там.

— Вы упомянули о переходном периоде. В частности, какое-то время на территории Германии будут оставаться советские войска. Каково будет отношение к нашим солдатам и офицерам?

— Поскольку есть точная дата вывода советских войск—до конца 1994 года, то можно надеяться, что отношение будет спокойным. Наверное, среди солдат пройдет молва, что мы, немцы, поможем при строительстве в Советском Союзе жилья для военнослужащих. Психологически это для них очень важно, потому что они хотят иметь квартиры, а квартиры — это нечто мирное, связываемое с семьей. Я уже подумал, что, пожалуй, посещу в следующем году одну из казарм советских солдат. Но чтобы это были не только офицеры высоких рангов, а и обыкновенные простые солдаты, то есть обычная воинская часть, где бы я хотел подискутировать.

— Можем ли мы упомянуть об этом в газете?

— Да, да, поэтому я и сказал. Но, повторяю, чтобы это была не потемкинская деревня, когда делают то, что сегодня называется «шоу».

— Следовательно, вы за дружественные условия?

— Да. Солдаты ведь люди молодые. У меня у самого два сына. Оба лейтенанты резерва. Так что для меня это не теоретические размышления.

— Мы надеемся, что и ваши и наши сыновья навсегда останутся в резерве.

— В этом я не сомневаюсь,— говорит канцлер.

— А теперь, г-н федеральный канцлер, просим вас выдать одну государственную тайну: остаетесь ли вы в Бонне или переедете в Берлин? У вас идут большие споры об этом.

— Это не государственная тайна. И не мне тут решать. Сейчас продолжается дискуссия, но она не требует никакой спешки. Когда-нибудь после выборов новый бундестаг примет решение. Я же буду делать все для того, чтобы это решение было вынесено в спокойной обстановке и не немедленно. Ибо это стоит много денег и не числится в списке приоритетов под № 1. У нас сейчас другие проблемы. Всему свое время. Это не та тема, которая меня беспокоит.

— Теперь действительно последний вопрос. Перестройка вступила в решающий этап. Она сталкивается с немалыми трудностями. Ваше мнение по этому поводу?

— Оно совершенно определенное. Я надеюсь, что перестройка одержит успех. У вас теперь есть обширный пакет реформ. Все это не обойдется без трудностей. Мне не пристало давать совет, но, когда меня спрашивают, что я об этом думаю, то отвечаю: проводите эти реформы. Это необходимо сделать. Если сделаете — достигнете успеха. А он не только в интересах Советского Союза, но и в интересах всей Европы.

...Беседа заканчивается. Время у канцлера жестко лимитировано. Мы благодарим федерального канцлера за интервью «Правде».

Беседу вели
Е. ГРИГОРЬЕВ,
А. КАРПЫЧЕВ.

Соглашение о переходных мерах

БОНН, 2. (ТАСС). Здесь в министерстве финансов ФРГ состоялось парафирование соглашения между правительствами СССР и ФРГ о некоторых переходных мерах, связанных с временным пребыванием советских войск на территории ГДР в связи с ее предстоящим вхождением в состав Федеративной Республики Германия.

В соответствии с соглашением для оплаты расходов по содержанию и выводу советских войск создается специальный фонд, часть средств в который внесет правительство ФРГ. Документ предусматривает также оказание немецкой стороной помощи Советскому Союзу в осуществлении программы гражданского жилищного строительства в европейской части СССР для выводимых советских войск. Будут реализовываться различные варианты строительства «под ключ» жилых домов, создания и модернизации домостроительных предприятий, поставок строительных машин и механизмов.

Федеративная республика окажет СССР поддержку в осуществлении мероприятий, связанных с подготовкой и переподготовкой увольняемых в запас военнослужащих советских войск, выводимых из Германии в СССР, в целях включения их в трудовую деятельность.

Соглашение парафировали статс-секретарь министерства финансов ФРГ Хорст Келер и посол СССР в ФРГ В. П. Терехов.

ИЗ ПОТОКА НОВОСТЕЙ

2 октября

США

ПРЕЗИДЕНТ ДЖ. БУШ принял во вторник в Белом доме начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР М. А. Моисеева. В ходе встречи были обсуждены вопросы советско-американских отношений и современной международной обстановки, в том числе пути разрешения кризиса в Персидском заливе. Стороны также обменялись мнениями относительно хода подготовки советско-американского соглашения о сокращении стратегических наступательных вооружений, а также обычных вооруженных сил и вооружений в Европе.

АФГАНИСТАН

НАМЕРЕН НАНЕСТИ УДАР ПО КАБУЛУ лидер оппозиционной «исламской партии Афганистана» Гульбеддин Хекматиар, сообщил из Пешавара (Пакистан) корреспондент английской газеты «Индепендент». По мнению газеты, это будет последней попыткой моджахедов свергнуть режим Наджибуллы до того, как Соединенные Штаты Америки резко сократят им помощь. Со ссылкой на данные моджахедов, газета сообщает, что по меньшей мере 40 тысяч ракет и около 700 тяжелых грузовиков с военным снаряжением размещены вокруг афганской столицы.

ЯПОНИЯ

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ЯПОНИИ Тосики Кайфу выразил надежду на то, что предстоящий в апреле будущего года визит в Японию Президента СССР М. С. Горбачева станет поворотным пунктом в отношениях между двумя странами. Выступив в понедельник на пресс-конференции в японском обществе в Нью-Йорке, глава японского правительства приветствовал установление дипломатических отношений между Республикой Корея и СССР. Изменение политического ландшафта на Корейском полуострове, сказал он, является «отражением наблюдающегося в последнее время смягчения конфронтации в отношениях между Востоком и Западом».

НИКАРАГУА

КАМПАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОВЕНИЯ в знак протеста против экономической политики правительства Виолеты Барриос де Чаморро начало в Никарагуа контролируемое сандинистами профобъединение Национальный фронт трудящихся (НФТ). В столице и других городах страны в понедельник прошли массовые манифестации сторонников сандинистских профсоюзов. Шеститысячная демонстрация состоялась у здания президентской канцелярии. Столкновений с полицией отмечено не было.

ГВАТЕМАЛА

СОВЕРШЕНО ПОКУШЕНИЕ на кандидата в президенты страны от консервативной партии Движение национального освобождения (ДНО) Луиса Эрнесто Сосу Авилу. В департаменте Уэуэтенанго неизвестными лицами была взорвана бомба перед машиной, в которой находились Соса Авила и ряд кандидатов в депутаты парламента от ДНО на предстоящих 11 ноября всеобщих выборах.

АРГЕНТИНА

НАЦИОНАЛЬНЫМ КОНГРЕССОМ принят закон, освобождающий от обязательной воинской службы сыновей тех, кто «пропал без вести» в годы правления военной диктатуры. Парламент страны пошел на такой шаг под давлением правозащитных организаций, которые считают безнравственным и бесчеловечным вынуждать молодых людей, чьи родители погибли под пытками, повешены, расстреляны, служить под началом тайных или явных палачей.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

НА СОВМЕСТНОЙ СЕССИИ народной палаты и палаты национальностей Федерального собрания ЧСФР депутаты высшего органа государственной власти Чехословакии приняли закон о восстановлении в правах собственности. Документом предусматривается возвращение старым владельцам национализированного в прошлом имущества. Речь идет о лесопильных заводах, механических мельницах, мелких ремонтных мастерских, гостиницах, ресторанах, магазинах, переданных в государственную собственность с 1955 по 1962 год.

(«Правда» — ТАСС).

МАЖОРНЫЙ ТОН

Нынешняя осень в Нью-Йорке оказалась на редкость урожайной на международные собрания самого высокого ранга. На очередной, 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН продолжают выступать главы правительств и министры иностранных дел. Только что закончилась всемирная встреча на высшем уровне в интересах детей, а вчера в «самом большом в Западном полушарии», как гласят рекламные проспекты, конференц-зале им. Джавитса открылась очередная встреча министров иностранных дел стран — участниц общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству.

Встреча министров стран — участниц СБСЕ

В подготовленном для журналистов ворохе справочной литературы приведены краткие статистические данные о 35 европейских государствах и представляющих их здесь, в Нью-Йорке, министрах иностранных дел. Самый старый из них — кардинал Казароли из Ватикана, ему 76 лет. Самая молодая — Габриэла Гатти из Сан-Марино, которая, как деликатно отмечает справочник, родилась «примерно» в 1957 году. Зато она представляет «самую старую в мире республику».

Встречу СБСЕ — кстати, первую на земле Соединенных Штатов, открыл кратким вступительным словом президент США Дж. Буш.

Но полагаю, что символом начавшейся встречи, как, впрочем, и новой, рождающейся в эти дни Европы, стала короткая, в несколько минут, церемония перед ее открытием. Министры иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции, ФРГ и ГДР подписали соглашение, согласно которому четыре державы-победительницы во второй мировой войне заявили о приостановлении своих прав и ответственности по Германии. Это соглашение, подводящее итог 45 годам послевоенной истории, вступает в силу с момента объединения немецкого государства 3 октября. Поскольку эта церемония не сопровождалась речами, а лишь тостами с шампанским, я попросил некоторых ее участников поделиться своими мыслями с читателями «Правды».

◇

— Считаю, что этим соглашением мы переворачиваем страницу от конфликта к сотрудничеству,— сказал вашему корреспонденту госсекретарь США Дж. Бейкер.— Мы начинаем писать новую книгу будущего Европы, а это в высшей степени обнадеживает.

— Это — великий час в истории нашего народа,— говорит министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер.— Десятилетия моей жизни ушли на то, чтобы добиться сегодняшнего итога. Сам я из Восточной Германии и всегда мечтал об объединении нашей страны. 3 октября оно становится реальностью.

— Общеевропейский процесс проходит сейчас через важнейший этап в своем развитии,— поделился со мной соображениями более общего порядка член американской делегации сенатор Д. Деконсини, сопредседатель комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе.— Объединение Германии, новые отношения между СССР и США, основанные уже не на идее сосуществования, а на идее партнерства. Думаю, в этой новой атмосфере мы сможем сосредоточить общеевропейские усилия на соблюдении прав человека. Прогресс в этой сфере необходим обеим сторонам. Возможно, что в будущем мы уже будем говорить не о сторонах, а о европейском мире в целом. Словом, сдвиги очень существенные. Сейчас надо думать о том, как двигаться дальше, как утвердиться в понимании того, что случившиеся перемены в Европе означают большую безопасность для всех.

На заседании выступил министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. Перед нами, сказал он, в частности, стоят следующие главные задачи, связанные с проведением общеевропейской встречи на высшем уровне. Это завершение венских переговоров по сокращению обычных вооружений и по мерам доверия в военной области, формулирование принципиальной схемы общеевропейских институтов и структур безопасности, выработка декларации новых взаимоотношений между странами — участницами двух военно-политических союзов, разработка основных ориентиров для будущего развития хельсинкского процесса и подготовка следующей встречи в верхах государств — участников СБСЕ в Хельсинки в 1992 году. Советский министр сообщил собравшимся, что здесь, в Нью-Йорке, удалось найти развязки по главным элементам соглашения о сокращении обычных вооруженных сил в Европе. Советский Союз, сказал он в заключение, считает приоритетным делом создание центра по предотвращению и разрешению конфликтов как одного из первых органов СБСЕ. Встреча продолжает работу.

(Соб. корр. «Правды»).
г. Нью-Йорк, 2.

О встрече делегаций

2 октября в Кремле состоялась консультативная встреча делегаций Советского Союза и Литвы, назначенных соответственно Указом Президента СССР и постановлением Верховного Совета Литовской республики, для рассмотрения вопросов, связанных с подготовкой к проведению официальных двусторонних переговоров. Делегацию Советского Союза возглавлял Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, делегацию Литвы — Председатель Верховного Совета Литовской республики В. Ландсбергис.

В ходе четырехчасовой беседы состоялся обмен мнениями по проблематике и процедурным вопросам предстоящих переговоров.

Для конкретной разработки этих вопросов было условлено создать совместную рабочую группу во главе с заместителем Председателя Совета Министров СССР В. Х. Догужиевым и заместителем премьер-министра Литвы Р. Озоласом, которая подготовит соответствующие предложения в течение двух недель.

Делегации договорились о продолжении работы по двусторонним торгово-экономическим взаимоотношениям на 1991 год.

Группе экспертов поручено подготовить предложения о неотложном решении практических, в том числе финансовых, вопросов пенсионного обеспечения участников Великой Отечественной войны, проживающих в Литве, а также других вопросов социального обеспечения граждан.

При подготовке к переговорам будут обсуждаться формы учета мнений различных групп населения.

Предложения совместной рабочей группы по проблематике, процедурным вопросам, а также графику дальнейшей работы и началу официальных переговоров делегации намерены рассмотреть на своей очередной встрече.

Встреча прошла в деловой обстановке и, по оценке обеих делегаций, была полезной.

(ТАСС).

Россиян призывают потерпеть

Начавшееся вчера после недельного перерыва пленарное заседание российского парламента по традиции открылось обсуждением вопроса «Разное». И уже традиционно в этой утренней «разминке» крепко досталось прессе.

На сессии Верховного Совета РСФСР

На сей раз за публикацию материала ТАСС «Кому нужна гниющая картошка». Изложенная в нем концепция обозревателя Телеграфного агентства очень не понравилась депутату А. Медведеву, который призвал своих коллег провести парламентское расследование в связи с тем, что публикация, мол, нанесла ущерб авторитету демократических сил.

Не стану оспаривать мнения уважаемого депутата. В конце концов каждый вправе иметь собственную точку зрения по любому вопросу. Боюсь лишь, что если на каждый газетный «чих» российский парламент будет создавать комиссии, то ему ни на что другое времени не хватит.

Выступившие в разделе «Разное» депутаты С. Перуанский, М. Челноков, Ю. Ельцов, Д. Васильев также допустили некоторые конфронтационные нотки, в связи с чем Председатель Совета Национальностей Р. Абдулатипов подчеркнул, что сейчас, как никогда, нужны единство и сплоченность всех сил.

К этому как раз и призывает граждан России обращение Верховного Совета РСФСР. Проект этого документа бурно обсуждался на сессии. И хотя он был принят лишь за основу, а редакционной комиссии предстоит над ним основательно поработать, часть депутатов поставила под сомнение целесообразность принятия этого документа. По их мнению, он вновь призывает россиян потерпеть, обещает слишком многое, а люди уже сыты обещаниями по горло.

В проекте обращения отмечается, что сейчас, когда исчерпано терпение, когда иссякли последние надежды, а вера уступает место разочарованию, народные депутаты призывают соотечественников к единению и готовности выстоять на переломном этапе истории.

Верховный Совет призывает сограждан к 500 дням труда сосредоточенного, напряженного и спокойного, к 500 дням строжайшей договорной дисциплины, к 500 дням гражданского согласия.

Затем депутаты приступили к обсуждению законопроекта о государственных пенсиях в РСФСР. Принятие этого документа после недавнего союзного пенсионного законодательства, по мнению авторов проекта, призвано ускорить введение нового пенсионного обеспечения. Однако у депутатов возникло много вопросов. Дискуссия затянулась. В результате законопроект принят в первом чтении.

Е. СОРОКИН.

Главное все же — работа

КИЕВ, 2. (Корр. «Правды» М. Одинец, И. Тихомиров). После вчерашнего бурного дня сегодня ход работы сессии Верховного Совета Украины можно было считать почти нормальным. Открывая ее, Председатель Верховного Совета Л. Кравчук высоко оценил мудрость, взвешенность решений трудящихся республики, не поддавшихся вчера на уговоры принять участие во всеукраинской забастовке, выйти на всеукраинскую манифестацию, и поблагодарил за оказанную таким образом поддержку Верховному Совету.

Зал встретил эти слова аплодисментами. Единодушными они, впрочем, не были. Не аплодировали представители «Народной рады», выступившие от имени народа организаторами упомянутой акции. В свою очередь один из руководителей Руха, народный депутат УССР Н. Поровский отметил усердие и приверженность тех, кто все-таки отозвался на клич о забастовке и манифестации и пришел под окна парламента. Теперь уже хлопала «Народная рада».

Не получилось широкомасштабной массовой акции. Когда же определились скромные ее контуры, манифестацию пустили по второму, третьему кругу, по улицам Киева, прилегающим к зданию Верховного Совета УССР. А из радиофицированной машины некоторые народные депутаты уговаривали народ: «Двигайтесь! Ходите по кругу! Через полчаса вы опять придете сюда со своими лозунгами!»

Подобная круговая ходьба, безответственные заявления стачкомов, организаторов манифестации ввели в заблуждение даже кое-кого из коллег-журналистов. В эфир, на страницы газет попали непомерно завышенные цифры, не соответствующие действительности факты.

Практически потеряв вчерашний день, депутаты решили сегодня прямо с утра заняться обсуждением повестки дня сессии. Председательствующий и большинстве выступающих предложили в первую очередь заняться вопросами стабилизации экономического положения в республике и перехода к рынку. Это встретило противодействие со стороны оппозиции, которая приоритет отдавала чисто политическим вопросам, аргументируя это тем, что якобы Советского Союза уже не существует вообще... А в таком случае требуются решения совсем другого толка. Нередко это сопровождалось криками, шумом. Случай застопорить работу сессии представился. С улицы пришла весть об инциденте между пикетчиками и милицией, выполнявшей принятое вчера постановление Верховного Совета УССР, запрещающее проведение митингов и манифестаций у здания парламента. Пришлось опять досрочно объявить перерыв.

Вечернее заседание началось бурным обсуждением происшедшего инцидента. Но затем нормальный ход сессии был восстановлен. Она возвратилась к обсуждению внесенных в повестку дня вопросов. С докладом выступил первый заместитель Председателя Совета Министров Украинской ССР А. Статинов.

«Мир»: полет по программе

ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ ПОЛЕТОМ, 2. (ТАСС). Завершилась девятая неделя космической вахты Геннадия Манакова и Геннадия Стрекалова на околоземной орбите.

В минувшие дни космонавты были заняты выполнением астрофизических, технологических и технических экспериментов, регламентно - профилактическим обслуживанием станции и модулей, переносом грузов из автоматического корабля «Прогресс М-5».

В соответствии с планом научных исследований продолжаются эксперименты по измерению пространственно-энергетических характеристик космического излучения и оценке влияния факторов открытого космоса на свойства различных конструкционных материалов, расположенных на внешней поверхности станции.

На технологической установке «Галлар» завершен очередной цикл по выращиванию полупроводникового монокристалла окиси цинка.

Сегодня экипаж занимается заменой оборудования контура обогрева системы терморегулирования станции тестовыми сеансами бортовой телевизионной аппаратуры через спутник-ретранслятор.

1 октября с помощью двигательной установки транспортного корабля «Союз ТМ-10» экипаж провел коррекцию траектории движения орбитального научно-исследовательского комплекса «Мир».

Космонавты чувствуют себя хорошо, работа на околоземной орбите продолжается.

С больной головы...

В связи с высказанными председателем Моссовета Г. Поповым на недавней пресс-конференции координационных советов Межрегиональной депутатской группы и блока «Демократическая Россия» претензиями в адрес рязанской «партократии», якобы срывающей поставки картофеля в Москву, в ТАСС поступила телеграмма из соседней области.

Публикуем ее с незначительными сокращениями, касающимися прежде всего эмоциональной оценки заявлений руководителя столичного Совета.

Похоже, председатель Моссовета в политической борьбе не гнушается никакими средствами. Предъявленное им обвинение в адрес Рязани не только не имеет под собой почвы, но и представляет попытку свалить прорехи в своей работе «с больной головы на здоровую».

Минувшей весной после многократных напоминаний с нашей стороны Моссовет ответил отказом на предложение заключить договор о поставке рязанского картофеля в столицу. Это вызвало недоумение: мы поставляли в Москву картошку уже многие десятилетия.

Но лишь когда из-за проливных дождей в ряде регионов страны стала складываться критическая ситуация с уборкой урожая, Моссовет опомнился и *обратился за «вторым хлебом»* к рязанским крестьянам. И они сейчас стараются изо всех сил помочь матушке-столице. Несмотря на то, что не обеспечены даже на треть собственные потребности в семенных клубнях, не говоря уже о продовольственных припасах, все равно в области ведется отгрузка картофеля на московские базы.

В общем, делимся с Москвой последним. Стоя буквально по колено в грязи, приходится людям извлекать на полях клубни. Сюда брошены все силы города и села. Рядом с крестьянами, спасая урожай, самоотверженно трудятся рабочие, военные, студенты, учащиеся. Закрыты многие горкомы, райкомы партии, исполкомы. Всю работу возглавили их представители, коммунисты, против кого так ополчился Г. Попов. И что-то не видно здесь их оппозиционеров.

Не исключено, что своими высказываниями оратор желал выручить своих сподвижников из Рязанского горсовета, оказавшихся в положении несостоятельных руководителей. В самый разгар уборки президиум Совета принял постановление, в котором меры по спасению урожая охарактеризованы не иначе, как «дестабилизирующими обстановку в городе». А недавно, на пороге зимы, здесь упразднили исполком, не создав взамен его никаких служб, в том числе по *связям с селом, заготовкам продовольственных припасов.* Лишь благодаря «консервативным силам», которых клеймит Г. Попов, проводится уборка овощей.

Оставим на совести Гавриила Харитоновича его сентенции. Рязанские труженики, несмотря на незаслуженные упреки, продолжают *всеми средствами* в непогоду убирать картофель, чтобы не переводился он зимой ни у них, ни у москвичей.

А. КИРЮШКИН.
Первый заместитель председателя Рязанского облисполкома.

СЕРПАНТИН

Аэропорт на замок?

Группа пассажиров, отчаявшихся улететь из Ульяновского аэропорта, двинулась на летное поле. Выставленный заслон из работников наземной службы был смят. Тогда подогнали электрокары и ими заблокировали выходы из аэровокзала.

— В последнее время мой служебный кабинет в постоянной осаде, — рассказывает командир Ульяновского объединенного авиаотряда И. Гуровский.— Перебои с поставкой керосина создали в нашей работе невыносимое напряжение. Бывают случаи, когда сами экипажи транзитных самолетов, оказавшихся без дозаправки, подстрекают пассажиров к противоправным действиям. Угрозы, шантаж, выходы толпами на летное поле стали распространенным явлением.

Ульяновский аэропорт, как и многие другие, давно на голодном пайке. Спасала положение лишь изворотливость руководителей авиаотряда. Но и она не всегда помогает. Иссякает последний резерв горючего. 6 октября аэропорт прекратит принимать и отправлять самолеты.

Н. СЕНЧЕВ.
(Корр. «Правды»).

Радуйтесь, теннисисты

При хронической нехватке многих товаров народного потребления невольно позавидуешь теннисистам. В Ленинградском объединении «Красный треугольник» сдана в эксплуатацию технологическая линия, где будут выпускать пять миллионов теннисных мячей в год. Оборудование линии поставлено японскими фирмами.

(ТАСС).

Ленинабад или Ходжент?

Похоже, ответ на этот все более настойчиво звучащий вопрос будет дан уже в этом году. Очередная сессия Ленинабадского горсовета назначила на 23 декабря общегородской референдум.

Депутаты проявили максимум стойкости, не поддавшись соблазну «демократичным большинством» решить проблему, касающуюся не только двухсот тысяч горожан, но и ближайшей истории города и всего Советского Таджикистана.

Ленинабад — второй по величине и значению город Таджикистана. Один из древнейших городов Средней Азии четыре года назад отметил свое 2500-летие. В седьмом веке впервые в письменных источниках появилось название Ходжент.

С возвращением городу его исторического названия будет восстановлена справедливость, считают сторонники переименования и просят никак не связывать это с посягательством на имя Ленина.

Л. МАХКАМОВ.
(Корр. «Правды»).

30.000 за две минуты

В считанные минуты сгорел цех на Андижанском машиностроительном заводе. Пожар, причина которого устанавливается, мгновенно уничтожил деревянные покрытия, часть оборудования. Ущерб от пожара составил 30.000 рублей.

(ТАСС).

Первый раз в звездный класс

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

...ся серьезным профессиональным экзаменом по композиции и репортажу в присутствии председателя Космической комиссии. «Чему-то научитесь вы у нас, чему-то — мы у вас». А вот короткие, но энергичные «бруски» красного, зеленого, синего цвета. Хронометраж. 60 часов — теория полета космического аппарата. Одновременно — основы космической навигации, основы ЭВМ, основы космической медицины. Целых 270 часов — конструкция космического корабля. 214 — «Мира» плюс, разумеется, модулей, плюс 24 — стартовый комплекс, 82 — основы научных исследований, визуальных и инструментальных наблюдений с самолета... 120 — летная подготовка и полеты. «Если захотите, поможем освоить высший пилотаж, перехваты, воздушный бой... Если захотите». Парашютные прыжки, «горки» самолетной и бассейн гидроневесомости, тундра при минус 45—50 и пустыня при плюс 50—60 градусах... Итого 2.036 часов, экзамены через полтора года. «После чего два человека войдут в состав экипажей, и там будет еще тяжелее».

— Увязывали эту программу с программой «500 дней»? — спросили у Леонова.

— Обязательно! — охотно подхватил он шутку.— Вот здесь выделили 15 дней на картошку...

— Ваш полет начинается с сегодняшнего дня,— напутствовал своих питомцев председатель Космической комиссии Союза журналистов СССР Владимир Губарев.— Работа будет двойной: не только готовиться, но и рассказывать, какой это нелегкий труд, какие люди отдают всю свою жизнь и талант тому, чтобы вы полетели. И главное напоминание: журналисты пришли в отряд ровно через тридцать лет после его основания. Здесь они встретят тридцатилетие гагаринского полета. Увидеть космонавтику изнутри, помочь ей обрести новый импульс в наше трудное хозрасчетное и неуверенное время — это не для равнодушных наблюдателей. Это для горячих сердец, верных полету.

А. ТАРАСОВ.

Сыграем с чемпионом?

Очередным участником проекта «Космос — детям» решил стать популярнейший футбольный клуб «Динамо» (Киев).

Это был единственный шанс поговорить с президентом. До посадки нашего самолета в аэропорту финского города Куопио — еще чуть больше часа. *Но пока он еще о чем-то спорит* с новым тренерским тандемом, ставшим во главе самой дорогой команды Восточной Европы, я еще раз перечитываю сопроводительное письмо к пачке документов.

«Учитывая уникальность благотворительной акции, осуществляемой проектом «Космос — детям», призванным развивать мирное сотрудничество в космосе и стимулирующим работы, связанные с производством особо чистых медицинских препаратов и лекарств, столь нужных жителям Украины, Белоруссии и России, пострадавшим от *чернобыльской катастрофы*, футбольный клуб «Динамо» (Киев) решил принять участие в его осуществлении и способствовать подготовке советских журналистов для работы на борту орбитальной станции «Мир».

Руководители клуба, тренеры и футболисты глубоко взволнованы *благородством людей*, откликнувшихся на проводимые «Правдой» операции «Кокосовый орех» и «Детям Чернобыля», и хотят внести свой посильный вклад в их успешное проведение.

Президент клуба
Виктор Безверхий».

— Виктор, в чем вам как президенту клуба видится его участие в проекте «Космос — детям»?

— Мы хотели бы быть в центре многих мероприятий. В частности, оказать практическую помощь консорциуму «Экосорб» в производстве сорбентов. Не удивляйтесь. Заводов по их

производству у нас, увы, нет, зато есть возможность заработать часть средств для их строительства и закупки пиралиэата кокосового ореха за границей.

— Играя в футбол?

— Ну, конечно. Киевское «Динамо» и раньше часто проводило благотворительные матчи, сбор от которых шел во всевозможные фонды. Достаточно вспомнить прощальный матч Олега Блохина с участием сборной Мира, когда клуб перечислил в Советский детский фонд имени Ленина более 100 тысяч рублей. Вот мы и подумали, а почему бы, скажем, ветеранам клуба не сыграть с командой космических журналистов и космонавтов, которая будет усилена футболистами прошлых лет, ныне работающими в средствах массовой информации? Причем клуб возьмет на себя все расходы по организации встречи.

— Звучит заманчиво...

— И это не все. Во время игры можно было бы разыграть лотерею, сбор от которой также пойдет на счет «Космос — детям», несколько путевок на Байконур, на старт экипажа с советским журналистом.

— Вы говорили о своем желании участвовать в космическом телемарафоне...

— Почему бы в один из дней телемарафона не сыграть товарищескую встречу с футболистами американского «Космоса»? Клуб знаменит—за него в свое время играли великий Пеле и Кайзер Франц, я имею в виду Беккенбауэра. Кроме того, в США к футболу сейчас особое внимание, ведь здесь состоится очередной чемпионат мира. Передав половину валютного сбора от этого матча на операцию «Кокосовый орех», мы бы и «Экосорбу» помогли, и сами заработали столь нужную клубу валюту, познакомившись к тому же со страной—хозяйкой будущего первенства. *Польза, по-моему,* обоюдовыгодная.

Что ж, удачи ребятам в ответном матче и в завершении чемпионата страны. Мы все же надеемся сыграть не меньше, чем с чемпионом.

Юрий КРИКУН.
Кандидат на космический полет от СЖ СССР.
Фото С. Федорова.

Дар бизнесменов Бразилии

Как уже сообщала газета, киевскими учеными разработана технология получения уникального препарата, способного выводить из организма радионуклиды. Есть возможность помочь тысячам людей, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС. Вот только где взять сырье для лекарства — скорлупу кокосового ореха?

На призыв «Правды» помочь в сборе сырья для нового производства уже откликнулись десятки фирм и организаций из Лаоса, Вьетнама, Камбоджи. Еще один адрес милосердия — Бразилия. В последних числах сентября на борт советского сухогруза «Красногорск» было отгружено около 30 тонн скорлупы кокосового ореха, которая поступит на переработку в украинский акционерный концерн «Экосорб». Выражая благодарность бразильским бизнесменам, в частности президенту компании «Шавес» Э. Шавесу, директору фирмы «Олвебаза» Ж. Франса, президенту компании «Сококо» Э. Тенорио, хочется надеяться, что акт доброй воли получит продолжение в виде долговременного делового партнерства. Этого хотят бразильцы, предлагая организовать совместные предприятия на взаимовыгодной основе. Это на благо и нашей стране, ибо преодоление последствий Чернобыля — дело не одного года.

Сейчас же нам помогают безвозмездно. Единственная просьба, высказанная деловыми людьми Бразилии, состоит в том, чтобы Минморфлот СССР нашел возможность организовать заходы советских судов в порты Белеме и Масейо — очень дорого обходятся перевозки сырья в Сальвадор и другие отдаленные пункты. Тогда поставки скорлупы значительно возрастут.

Н. ГОГОЛЬ.

Спасибо!

Искренне благодарим всех, кто отозвался на создание благотворительного фонда «Космос — детям», цель которого — интеллектуальная и социальная помощь подрастающему поколению. Кроме журналистов, участников космического конкурса, свой авторский гонорар за выступления в «Правде» фонду «Космос — детям» перечислили наши авторы, среди которых—молодые ученые и академики, партийные работники, народные депутаты. Это товарищи В. Гончарик, Т. Валиев, И. Полозков, У. Кемельбекова, В. Егоршин, И. Нургалиев, А. Колодин, А. Александров, В. Гольданский, А. Ишлинский, В. Кириллин, В. Кудрявцев, Р. Петров. Еще раз спасибо!

Напоминаем счет фонда «Космос — детям».

Расчетные счета а/о «Неизвестный космодром»: для перечислений в рублях — НР 000606602 МФО 300012 в ОПЕРУ Укрпромстройбанка; для перечислений в валюте— № 018070602 МФО 300012 в ОПЕРУ Укрпромстройбанка СССР, г. Киев.

Справки

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

3 октября

ПЕРВАЯ ПРОГРАММА. 6.30— «120 минут». 8.35 — Конгресс детских хоров. 9.05 — «Слово». 11.05 — Играет Л. Тимофеева (фортепьяно). 11.25 — Клуб путешественников. 12.30 — Время. 15.30 — ТСН. 15.45 — Фильм — детям «Остров сокровищ». 1-я серия. 16.50 — Музыкальная сокровищница. 17.30 — Детский час. 18.30 — Время. 19.00 — Футбол. Кубок европейских чемпионов. 1/16 финала «Спартак» (Москва) — «Спарта» (Прага). В перерыве (19.45) — Актуальное интервью. 21.00 — Время. 21.40 — Коллаж. 21.45 — Футбол. Кубок обладателей кубков. 1/16 финала «Динамо» (Киев) — «Куопион паллеосеура». (Финляндия). 23.25 — «Ступени». 0.40— ТСН.

ВТОРАЯ ПРОГРАММА. 8.00— Гимнастика. 8.15 — Документальный фильм. 8.35, 9.35 — Литература. 5-й класс. 9.05 — Немецкий язык. 10.35, 11.35 — Общая биология. 10-й класс. 11.05 — «Бурда моден» предлагает...» 12.05 — «С вечера до полудня». 2-я серия. 13.10 — Документальный фильм. 14.25 — Сеанс повторного телефильма «Личное счастье». 3-я серия. 17.00 — Телестудии городов РСФСР. 17.30 — К.-М. Вебер — Увертюра к опере «Оберон». 17.40 — «Запретный город». 6-я серия. 18.30 — Время. 19.00 — Телестудии городов РСФСР. 19.25 — «Стихов любимейшие строки». 20.00 — «Спокойной ночи, малыши!» 20.15 — Творческое объединение «Пресс-клуб» представляет... 20.50 — Коллаж. 20.55 — Теннис. Международный турнир «Крафт Дженерал Фудс». Женщины. 21.40 — На сессии Верховного Совета СССР. 22.10 — Дневник сессии Верховного Совета РСФСР. 23.10 — «Братья Рико». Художественный фильм. 1-я серия. 0.15 — «О запретном». Из цикла «Институт человека». Передача 1-я.

МОСКОВСКАЯ ПРОГРАММА. 7.00—«2×2». 18.30 — Панорама Подмосковья. 19.30, 21.40 — Добрый вечер, Москва! 20.45 — «Спокойной ночи, малыши!». 21.00 — Время.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА. 17.55 — «Огненные дороги». Телевизионный художественный фильм. 3-я серия. 19.00 — Профессия — коммерсант. 20.20 — ТелеЭКО. 20.50— Немецкий язык. 1-й год обучения. 21.20 — Немецкий язык. 2-й год обучения. 21.50 — «Вокруг света». Альманах. 22.50— «Запретный город». Научно-популярный фильм. 5-я и 6-я серии.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРОГРАММА. 19.30 — ТТЦ «Лира». «Творческая командировка». Передача 2-я—«Отчий дом». 20.00—Реклама. 20.10 — Телестанция «Факт». 20.30 — «Большой фестиваль». Передача для малышей. 20.45—«Спорт, спорт, спорт». 21.00—Время. 21.40 — «600 секунд». 21.50 — Реклама. 21.55 — Слово депутатам Ленсовета. 22.05 — Реклама. 22.10 — «Среда». Программа для молодежи. 0.10 — «Русское видео».

РАДИО

3 октября

ПЕРВАЯ ПРОГРАММА. 9.15 — «Писатели у микрофона». Е. Добровольский «Десница мастера». 10.15 — Радиостанция «Смена». «Альбом Бим-Бом». 11.15 — Концерт. 12.00 — Радиостанция «Союз». В выпуске «Дела уборочные». В передаче принимает участие Председатель СМ РСФСР И. С. Силаев; «Певец земли российской». К 95-летию со дня рождения С. А. Есенина (Репортаж из г. Рязани). 12.30 — «В рабочий полдень». 13.10 — «Мастера советской литературы». С. Есенин. К 95-летию со дня рождения. 13.55 — «Экономический вестник». 14.00 — «Красный! Желтый! Зеленый!» Передача для водителей и пешеходов; Концерт «Для тех, кто в пути». 14.50—«Адреса передового опыта». Репортаж. 15.15 — Выступают лауреаты и дипломанты Всесоюзного радиоконкурса «Новые имена». Н. Скориков. 15.30—«Импульс». Научно-популярная программа. В выпуске: «Альтернативные источники энергии». Репортаж. 16.00 — Радиостанция «Смена». В выпуске: «Книга книг». Библия и мировая культура; «Занимательная лингвистика». Школьникам о русском языке. 17.15 — «Юность». «На пути к правовому государству». 18.00 — П. Чайковский — Серенада для струнного оркестра. 18.40 — «Пульс рабочей жизни». Проблемно-публицистический радиожурнал. 19.00 — Последние известия. На сессиях Верховных Советов СССР и РСФСР. 20.00 — «Земля и люди». Программа для сельских слушателей. «Встречи на чувашской земле». В выпуске: «Осенний день на полях». Репортаж; «На что тратится валюта». Проблемный репортаж; *«Дороги сельские». Корреспонденция*; «Истоки народные». Размышления писателя П. В. Емельянова. 20.45 — Международный дневник. 21.00 — «Новости музыкальной жизни». 21.45 — А. Грин. «Непобедимый». Рассказ. 22.00 — Последние известия. На сессиях Верховных Советов СССР и РСФСР. 22.30 — «Мир поэзии». По страницам литературных журналов. 23.05—*Музыкально-литературная* композиция о С. Есенине.

ТЕАТРЫ

3 октября

ТЕАТР ДРУЖБЫ НАРОДОВ — в помещении МХАТ им. Чехова (Новая сцена) — Театр-студия «Ильхом» (г. Ташкент) — **Прошло 200 лет.**

МХАТ им. А. П. ЧЕХОВА (Художественный пр., 3) — **Вишневый сад.**

МХАТ им. М. ГОРЬКОГО (Тверской б-р, 22) — **Валентин и Валентина.**

ТЕАТР им. Евг. ВАХТАНГОВА — **Два часа в Париже с одним антрактом.**

ТЕАТР им. МОССОВЕТА — **Иисус Христос — суперзвезда.**

ТЕАТР им. Вл. МАЯКОВСКОГО — **Леди Макбет Мценского уезда**; филиал — **Игра в джин.**

ТЕАТР «СОВРЕМЕННИК» — **Мелкий бес.**

ПОГОДА

В Москве и Московской области 3 октября облачная погода с прояснениями, кратковременный дождь со снегом. Максимальная температура днем 3—5 градусов, по области 1—6 градусов. Ветер северный, 5—10 метров в секунду. 4 и 5 октября преимущественно без осадков. Ветер северный, с переходом на юго-западный, 3—7 метров в секунду.

Главный редактор И. Т. ФРОЛОВ.

Редакционная коллегия: Б. Е. АВЕРЧЕНКО, Д. С. АВРААМОВ, А. Н. БОРИСОВА, Д. В. ВАЛОВОЙ (зам. главного редактора), Е. Т. ГАЙДАР, Ю. В. ГЛУХОВ, В. С. ГУБАРЕВ, В. А. ДРОБКОВ, А. А. ИЛЬИН (зам. главного редактора), А. Т. КАРПЫЧЕВ (зам. главного редактора), В. С. КОЖЕМЯКО, М. Я. КОРОЛЕВ (зам. главного редактора), В. П. ЛЕОНТЬЕВ, В. Н. ЛЮБИЦКИЙ, А. Н. ПЛАТОШКИН, Н. А. ПОТАПОВ, В. В. ПОШАТАЕВ, В. Н. СНЕГИРЕВ, Л. Н. СПИРИДОНОВ (первый зам. главного редактора), А. В. ЧЕРНЯК (ответственный секретарь).

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Для писем — 125867, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24, редакция газеты «Правда». Для телеграмм — Москва, 748, улица «Правды», 24, редакция газеты «Правда».

ТЕЛЕФАКС: 2002291 ТЕЛЕКС: 111164.

ТЕЛЕФОНЫ: Справочное бюро редакции — 257-37-86. Справки по письмам — 250-52-29. Отдел информации — 257-32-18. Рекламная группа — 257-33-01. Издательство — 214-11-02.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Индекс 50102. Тираж — 7.700.000 экз. Тип. № 11607.

ВТОРОЙ ВЫПУСК: По графику в 23.00. Сдано в печать в 22.30.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10